П. Перцов

Изъяны творчества

«Русское богатство»

1893 № 1

Взять из обсуждения
урок на вторник ?

«Русское богатство» 1893 №1

мас. №91.

П. Перцов.

ИЗЪЯНЫ ТВОРЧЕСТВА.

(Повѣсти и разсказы А. Чехова).

I.

Одна древняя легенда повѣствуетъ, что нѣкій царь, шедшій со своимъ войскомъ черезъ пустыню, желая осмотрѣть окрестности, велѣлъ своимъ воинамъ каждому принести по горсти земли, и изъ этихъ горстей выросъ цѣлый холмъ, и царь могъ подняться на него, и обширный видъ открылся его глазамъ.

Эта легенда хорошо передаетъ обобщающую и раздвигающую горизонты силу мелочей. «Курочка по зернышку клюетъ и сыта бываетъ», «съ міру по ниткѣ—голому рубашка»—таковы народные афоризмы, трактующіе ту-же тему. И дѣйствительно, мелочь только до тѣхъ поръ и мелочь, пока она остается въ одиночествѣ, но какъ скоро къ ней присоединяется другая, третья, пятая, десятая мелочь, то значеніе этой массы все растетъ и растетъ; холмъ, составляемый ими, подымается все выше и выше, и, вмѣстѣ съ нимъ, подымаемся и мы надъ «долиной жизни», и горизонты наши все расширяются и взоры наши видятъ то, чего не видѣли раньше. Грозная сила мелочей растетъ, можно сказать, прямо пропорціонально ихъ количеству, и изъ ихъ мелкихъ, невидныхъ единицъ складывается мало по-малу крупная цифра, цѣлая сторона жизни, нерѣдко первоклассной важности. «Ахъ, эти мелочи! какъ чесоточный зудень, вживаются онѣ въ организмъ человѣка и точатъ и жгутъ его... Мелочи, мелочи, мелочи—заполонили всю жизнь...», жаловался великій сатирикъ на всепокоряющую и засасывающую силу мелочей, не дающихъ въ концѣ концовъ ни идти, ни дышать. Но тотъ-же Салтыковъ прекрасно понималъ и обобщающую ихъ силу, дающую богатый матеріалъ для выводовъ и размышленій. Весь его сборникъ «Мелочи жизни» служатъ этому доказательствомъ. Постепенно переходитъ сатирикъ отъ мелочи къ мелочи, точнѣе, отъ одной группы мелочей къ другой ихъ группѣ. Онъ останавливается и разсматри-

У Авторское название: „Беллетристическая nature-morte". Переименовано Н.К. Михайловским. См.: А.В. Лавров. Архив П.П. Перцова — „Ежегодник рукоп. отдела Пушк. дома на 1973 год". Л., 1976, с. 25; „90-е годы", с. 274.

ваетъ эту массу «чесоточныхъ зудней», впившихся въ человѣка и отнявшихъ у него не только возможность жить жизнью «разумнаго Божьяго созданья», но даже время подумать о безцѣльности и безсмысленности своего существованія. И подъ искуснымъ перомъ сатирика эти разрозненныя и связанныя лишь единствомъ мѣста и времени «мелочи жизни» начинаютъ мало по малу слагаться въ точный и вѣрный рисунокъ цѣлаго міра, съ портретами его опутанныхъ по рукамъ и ногамъ обитателей. Намъ становятся ясны и пустота ихъ жизни, и причины этой пустоты, и мѣсто, занимаемое каждымъ отдѣльнымъ, изображеннымъ передъ нами, явленіемъ въ общемъ ходѣ жизни, и даже гдѣ-то, тамъ, далеко, въ туманѣ, мерцаетъ намъ свѣтъ желаннаго дня и выходъ изъ этой одуряющей мглы мелочей на просторъ свободной и разумной жизни. Однимъ словомъ, передъ нами воздвигнутъ холмъ, поднявшись на который, мы многое увидали и многое поняли и даже завидѣли вдали обѣтованную землю.

Но не всегда такъ бываетъ. Рядомъ съ вышеприведенной легендой, существуетъ другая, не менѣе древняя легенда о Данаидиной бочкѣ, которая, конечно, знакома нашимъ читателямъ. Эта миѳическая бочка тѣмъ и была ужасна, что вы напрасно стали бы вливать въ нее хоть милліоны ведеръ—вся вода убѣгала тотчасъ же, ничего не выходило изъ вашей работы и вы, какъ были съ пустыми руками, такъ и остались послѣ самой прилежной и долгой работы. Здѣсь масса отдѣльныхъ ведеръ исчезла безслѣдно—масса мелочей не сложилась въ одно цѣлое, не дала никакихъ выводовъ, никакихъ результатовъ. Каждое отдѣльное ведро вы держали въ рукахъ, каждая отдѣльная мелочь была передъ вашими глазами, но вода убѣжала въ землю, мелочь исчезла изъ глазъ, не оставивъ слѣда, или точнѣе она какъ была, такъ и осталась мелочью, единичной и оторванной отъ своего цѣлаго. И напрасно вы будете лить ведро за ведромъ, напрасно станете собирать мелочь за мелочью, — Данаидина бочка останется пуста, и передъ вами будетъ только ворохъ мелочей, а не стройное зданіе. Горсть за горстью сыпались передъ нами, но холмъ не воздвигся, мы остались стоять на равнинѣ, и какъ были съужены наши горизонты, такими они и остались.

Подобный казусъ можетъ случиться и въ литературѣ. Бываютъ писатели съ ясными и твердо опредѣленными воззрѣніями на жизнь, глубоко проникающіе въ смыслъ ея явленій и умѣющіе каждаго сверчка посадить на соотвѣтствующій ему шестокъ. Такіе писатели пишутъ «Мелочи жизни», и ихъ произведеніе пріобрѣтаетъ значеніе для характеристики не русской только, но и общечеловѣческой жизни, или создаютъ «Записки охотниковъ» — рядъ маленькихъ новеллъ, связанныхъ общей идеей и, помимо своихъ художественныхъ и психологическихъ достоинствъ, обрисовывающихъ намъ цѣлую сторону нашей жизни, причемъ, однако, и каждая изъ этихъ новеллъ въ отдѣльности является совершенно законченнымъ и яснымъ созда-

ніемъ. Или же, наконецъ, такіе писатели касаются въ своихъ произведеніяхъ разныхъ сторонъ жизни и даютъ намъ рядъ отдѣльныхъ картинъ, но, не говоря уже о томъ, что смыслъ каждой такой картины тоже совершенно ясенъ, изъ ихъ совокупности неизбѣжно получаются выводы общаго характера, ибо вѣдь всѣ онѣ написаны одной и тою же рукою, однимъ и тѣмъ же художникомъ, міросозерцаніе котораго, разъ онъ имъ обладаетъ, не могло не отразиться въ его твореніяхъ. Поэтому то и «Ревизоръ», и «Мертвыя души», и «Шинель», и «Миргородъ», и «Женитьба», и «Невскій проспектъ», и даже «Носъ» даютъ намъ, помимо своего спеціальнаго впечатлѣнія, нѣчто общее, и каждое изъ нихъ все яснѣе обрисовываетъ намъ «пошлость пошлаго человѣка» и въ то же время все полнѣе раскрываетъ «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства человѣческой жизни». А Гоголь еще далеко не принадлежитъ къ числу писателей со строго и всесторонне разработаннымъ міросозерцаніемъ, и творилъ онъ не въ силу сознательнаго убѣжденія, а повинуясь лишь стихійной силѣ своего таланта.

Но бываютъ писатели и другого типа. Несомнѣнный, даже большой талантъ не есть еще гарантія правильности и ясности міросозерцанія. «Талантъ есть пустая бутылка — важно, чѣмъ она наполнена», говорилъ покойный Салтыковъ. Талантъ есть, скажемъ мы, та кисть, которая рисуетъ картину, но кисть не можетъ ходить по полотну сама собой—ею должна управлять человѣческая рука, а руки бываютъ разныя. Если писатель самъ не знаетъ «лѣвая, правая гдѣ сторона», что бѣло и что черно, то это отсутствіе устойчиваго и опредѣленнаго взгляда на вещи, отсутствіе п о н и м а н і я смысла изображаемыхъ явленій неизбѣжно отразится и на его произведеніяхъ. И тогда мы напрасно станемъ искать въ массѣ нарисованныхъ имъ мелочей связывающаго звена, напрасно будемъ ждать, когда онѣ сложатся въ обсерваціонный холмъ, — мелочи останутся мелочами, каждая отдѣльная горсть будемъ лежать особнякомъ, ведро за ведромъ будутъ выливаться передъ нашими глазами, но бочка Данаидъ останется пуста.

Въ нашей литературѣ есть яркій примѣръ таланта послѣдняго типа. Читатели, конечно, уже давно угадали, что мы говоримъ объ Антонѣ Чеховѣ. Талантъ настолько сильный, что ему нѣтъ равнаго въ дѣйствующей русской бѣллетристикѣ; талантъ, въ три-четыре года выбившійся изъ трущобъ нашихъ юмористическихъ журналовъ на первый планъ, но обращавшій на себя вниманіе еще въ этихъ трущобахъ; талантъ, каждая новая вещь котораго читается съ жадностью, производитъ сильное впечатлѣніе и подымаетъ массу разговоровъ,—однимъ словомъ, свѣтлое и отрадное явленіе, еще разъ доказывающее, что «не бѣдна еще природа, не погибъ еще тотъ край»... Казалось бы, только радоваться оставалось на это явленіе, только прислушиваться къ каждому новому звуку этихъ талантливыхъ рѣчей, и поучаться и комментировать ихъ. Но...

«Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ,— говоритъ старый профессоръ въ «Скучной исторіи» г. Чехова — и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка».

На бѣду себѣ написалъ г. Чеховъ эти слова. Со времени появленія «Скучной исторіи» не было, кажется, статьи, посвященной ему, въ которой эти слова не цитировались бы въ примѣненіи къ ихъ автору. И дѣйствительно, трудно придумать болѣе точную характеристику общаго впечатлѣнія, производимаго всей совокупностью произведеній г. Чехова, и точнѣе опредѣлить ихъ общій недостатокъ. Читая отдѣльныя вещи г. Чехова, вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ отъ силы его таланта и тѣмъ настроеніемъ лирическаго свойства, которымъ почти всегда проникнуты его разсказы, и которое, естественно, сообщается и читателю, выносится еще и другое, нѣсколько своеобразное впечатлѣніе, которое на первыхъ порахъ выражается смутнымъ ощущеніемъ какого то недостатка—«все хорошо, а чего то нѣтъ». Талантъ автора несомнѣненъ, его характеристики ярки и остроумны, его дѣйствующія лица—живыя, въ плоть и кровь облеченныя фигуры, разсказъ ведется бойко, картины природы останавливаютъ вниманіе свѣжестью и красотой—словомъ, всѣ данныя для полнаго успѣха автора и полнаго удовлетворенія читателя, а между тѣмъ этотъ послѣдній невольно чувствуетъ какой то пробѣлъ и не находитъ въ себѣ законченнаго впечатлѣнія. «Все хорошо, а чего то нѣтъ».

Этотъ пробѣлъ становится еще чувствительнѣе, если читать произведенія г. Чехова не «въ розницу», а «оптомъ», т. е. перечитать его сборники—«Въ сумеркахъ», «Разсказы», «Хмурые люди». Мелкіе разсказы г. Чехова, взятые въ одиночку, еще могутъ удовлетворить собою читателя, если онъ станетъ смотрѣть на нихъ именно, какъ на художественную мелочь, родъ литературныхъ миніатюръ, но сборники этихъ миніатюръ уже невольно будятъ въ немъ другія требованія — «все мелочи, да мелочи, но вѣдь должно-же изъ этихъ мелочей въ ихъ массѣ выйти что-нибудь крупное». И читатель начинаетъ жаловаться, что передъ нимъ стоитъ бочка Данаидъ, и укоризненно цитируетъ по адресу г. Чехова его слова о «богѣ живого человѣка». Но г. Чеховъ и радъ-бы удовлетворить требованіе читателя, онъ самъ понимаетъ недостатокъ своего творчества, онъ самъ вздыхаетъ о невѣдомомъ ему богѣ и категорически (и даже чрезмѣрно строго) заявляетъ устами все того-же профессора, что «если нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего»... Но «не его въ томъ вина», «наша жизнь намъ судьбой сложена», и не г. Чеховъ виновенъ въ томъ, что его творчество такъ отрывочно и случайно, а самъ онъ можетъ причислить себя къ тѣмъ, которые говорятъ:

П. Перцов

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

II.

Г. Чеховъ любитъ именно не только «раздробленной», но и одинаковой любовью «и тихій шопотъ вербы», и «взоръ милой дѣвы», и «звѣздный блескъ», и даже нѣчто гораздо болѣе важное—идею, мысль, явленіе общественнаго характера. «Всѣ красы вселенной» находятъ у него одинаково радушный и, если хотите, одинаково равнодушный пріемъ—ни одной изъ нихъ не отдастъ онъ своего сердца вполнѣ и беззавѣтно, ни одну не полюбитъ исключительной любовью избранницы, ни одну не назоветъ своей повелительницей.

Минута—ему повелитель...

Онъ живетъ и творитъ всецѣло подъ впечатлѣніемъ данной минуты: поразила его красивая картинка, заинтересовалъ оригинальный характеръ, увлекли интересныя бытовыя отношенія, и онъ садится и записываетъ свои впечатлѣнія до тѣхъ поръ, пока они живы въ немъ. Исчезли они, смѣнились новыми, и онъ забылъ о нихъ, онъ бѣжитъ за новымъ явленіемъ, какъ ребенокъ за бабочкой, и ловитъ эту хорошенькую, пестренькую бабочку, сажаетъ ее на булавку и преподноситъ нашему читательскому вниманію. Но ему некогда вдумываться въ изображаемыя явленія, анализировать ихъ, ставить ихъ въ цѣпь причинъ и слѣдствій и еще менѣе времени сдѣлать имъ синтезъ, выводить изъ нихъ заключенія общаго характера. Продолжая нашу метафору,—онъ ограничивается поимкой отдѣльныхъ красивыхъ и интересныхъ насѣкомыхъ, онъ любуется на нихъ, но ему некогда заниматься ихъ систематизаціей и номенклатурой. Для этого нужно рыться въ книгахъ, нужно считать лапки и пятнышки на крыльяхъ, нужно думать и соображать, и, наконецъ, нужно всѣ отдѣльные экземпляры привести въ стройный порядокъ, составить изъ нихъ одну цѣльную и законченную коллекцію. Но когда-же ему заниматься этимъ? Вонъ летитъ новая красивая бабочка, вонъ прогудѣлъ новый золотой жукъ!... Скорѣе за ними, пока они не скрылись, пока впечатлѣніе, произведенное ими, живетъ еще въ душѣ. Отношеніе г. Чехова къ своему творчеству напоминаетъ пріемы фотографа. Съ одинаковымъ безпристрастіемъ и увлеченіемъ снимаетъ этотъ своеобразный беллетристическій аппаратъ и прелестный пейзажъ весенняго утра или широкой степи, и задумчивое лицо молодой дѣвушки, и взъерошенную фигуру русскаго интеллигента—неудачника, и оригинальный типъ одинокаго мечтателя, и ту-

поумнаго купца, и безобразные общественные порядки, при которыхъ сумасшедшіе оказываются умными, а здоровые — сумасшедшими. Всѣ эти снимки выходятъ живыми и правдивыми, всѣ они блещутъ свѣжестью красокъ, но въ то же время изображаемое ими явленіе представляется отрывочнымъ и отдѣльнымъ, стоящимъ внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій, внѣ связи съ другими, сосѣдними фактами.

И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ... Эта отрывочность изображенія умѣстна и допустима въ картинахъ внѣшней природы, которыя сами себѣ довлѣютъ, и оттого пейзажи г. Чехова не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но эта фотографическая изолированность спутываетъ и затемняетъ наше впечатлѣніе, когда перо беллетриста касается явленія, имѣющаго общественный характеръ. Такія явленія становятся понятны только въ связи со всѣми своими причинами и слѣдствіями, и ихъ изображеніе, для полнаго и точнаго впечатлѣнія, требуетъ непремѣнно раскрытія внутренняго ихъ смысла и вышеупомянутой связи. Но изобразить этотъ смыслъ и эту связь г. Чеховъ не можетъ—они не ясны для него самого. Общественный характеръ даннаго явленія совершенно ускользаетъ, если не отъ вниманія, то отъ пониманія г. Чехова, и его изображеніе такого явленія, какъ по отношенію къ нему автора, такъ и по манерѣ письма, ничѣмъ не отличается отъ изображенія явленій природы или фактовъ, совершенно безразличныхъ съ общественной точки зрѣнія.

Чехову, какъ писателю, какъ однажды уже было замѣчено критикой, дѣйствительно, все равно — колокольчики-ли звенятъ, человѣка-ли убили, шампанское-ли пьютъ, или кто-нибудь ни за что, ни про что въ тюрьму попалъ. Все это для него безразличныя и отдѣльныя явленія, и онъ, г. Чеховъ, обязанъ только срисовать ихъ, а отнюдь не объяснить и даже хотя-бы понять ихъ. И оттого совокупность его разсказовъ производитъ на насъ впечатлѣніе разрозненныхъ отрывковъ неизвѣстной рукописи. Вчитываемся мы въ эти отрывки, каждый изъ нихъ въ отдѣльности понимаемъ, хотя и не всегда и не совсѣмъ, но цѣлое пребываетъ для насъ въ неизвѣстности, и мы такъ и остаемся съ массой отдѣльныхъ изреченій. Способность синтеза совершенно отсутствуетъ у г. Чехова, вслѣдствіе чего и способность анализа, при всемъ своемъ развитіи, не приводитъ къ законченнымъ выводамъ. Такой выводъ вытекаетъ, какъ извѣстно, только изъ соединенія того и другого метода мышленія; при исключительномъ-же господствѣ синтеза мы неизбѣжно впадаемъ въ произвольность обобщеній, а при противоположномъ недостаткѣ остаемся совсѣмъ безъ нихъ. И, перелистывая сборники г. Чехова, точно просматриваешь разнохарактерный альбомъ цвѣтныхъ фотографій: чего-чего тутъ нѣтъ! Но, любуясь на яркія краски пейзажей, на живыя черты оригинальной физіономіи, чувствуешь неудовлетворенность, натыкаясь на попытку снять явленіе общественной жизни. Потому что, согласитесь,—фотографическій снимокъ со взятія Бастиліи немного уяснилъ-бы намъ ходъ великой революціи.

П. Перцов

Г. Чеховъ, конечно, и не съ Бастиліи снимаетъ снимки, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется. Все таки, благодаря своей легкокрылости, онъ коситъ самого себя по ногамъ, отнимая у своихъ разсказовъ то значеніе, которое они несомнѣнно имѣли-бы при другомъ складѣ беллетристической физіономіи ихъ автора. И отсюда также вытекаетъ то, странное на первый взглядъ, явленіе, что нѣкоторые разсказы г. Чехова, имѣющіе несомнѣнное и иногда крупное общественное значеніе, проходятъ совершенно незамѣченными съ этой стороны. Непониманіе самимъ авторомъ этого значенія не можетъ не сообщиться и его читателямъ. И дѣло тутъ именно въ непониманіи факта, а не въ ложномъ его пониманіи и не въ объективности автора, не желающаго высказывать свое мнѣніе.

Что касается до ложнаго пониманія факта самимъ авторомъ, то оно неизбѣжно ведетъ къ ложному его изображенію. Поэтому-то Гончаровъ, хорошо понимавшій Александра Адуева, далъ намъ вполнѣ вѣрнымъ и живымъ его портретъ, а Адуевъ-дядя, непонятый имъ, вышелъ фальшивой, картонной фигурой. Еще убѣдительнѣе примѣръ того-же автора съ типами Обломова и Штольца и его-же съ фигурой Марка Волохова и противоположной ей личностью—Райскаго. Поэтому-же, что бы ни говорили сердитые на кривое зеркало господа, типъ Базарова вполнѣ удался Тургеневу, а типы Нежданова, Соломина etc., равно какъ герои «Взбаламученнаго моря» Писемскаго или «Марева» Клюшникова похожи на восковыя фигуры, а не на живыхъ людей. И вышеприведенному правилу нисколько не противорѣчитъ примѣръ Гоголя, про котораго говорятъ обыкновенно, что онъ не понималъ значенія своихъ картинъ. Да, не понималъ всего ихъ значенія, точнѣе, не предвидѣлъ тѣхъ выводовъ публицистическаго характера, которые будутъ изъ нихъ сдѣланы, но неужели можно серьезно утверждать, что Гоголь не понималъ, что за птицы Чичиковъ, городничій, Коробочка и т. п., какую роль они играли въ своемъ муравейникѣ и что представлялъ изъ себя этотъ самый муравейникъ? Если бы кто и рѣшился на такое утвержденіе, то записная книжка Гоголя представила бы ему достаточное опроверженіе. Но ложное пониманіе общественныхъ явленій не есть бѣда г. Чехова—его бѣда заключается въ отсутствіи всякаго ихъ пониманія, и оттого его рисунокъ не фальшивъ, а неполонъ.

Предполагать-же, что г. Чеховъ имѣетъ совершенно ясное представленіе о фактахъ общественной жизни и только не хочетъ высказать свое мнѣніе, подобно легендарной обезьянѣ, которая отлично умѣла говорить, но только не хотѣла воспользоваться своимъ искусствомъ,—значитъ тоже дѣлать совершенно произвольное заключеніе. Для автора, конечно, вовсе не обязательно высказываніе своего мнѣнія—на то его добрая воля, и эта «фигура умолчанія» не можетъ повредить ясности его рѣчи, только-бы онъ, дѣйствительно, обладалъ пониманіемъ своего предмета. Трудно представить себѣ

большую объективность, чѣмъ та, которую обнаружилъ Левъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ», но тѣмъ не менѣе, рисуемыя имъ фигуры и явленія совершенно ясны для насъ, потому что ясны онѣ были и самому автору. Болѣе того—даже, когда авторъ совершенно скрывается отъ читателей и ведетъ разсказъ отъ имени одного изъ героевъ (что довольно часто бываетъ и у г. Чехова), даже тогда для него обязательно сдѣлать ясными для читателей всѣхъ лицъ разсказа и весь его смыслъ, хотя-бы избранный герой и имѣлъ о нихъ смутное представленіе. Такъ въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» Л. Толстого разсказъ ведется, какъ извѣстно, отъ лица Николеньки, который, со своей ребяческой точки зрѣнія, многое представляетъ себѣ невѣрно, а многаго и не понимаетъ, но для насъ ясны всѣ лица и подробности разсказа, и мы представляемъ ихъ себѣ далеко не такъ, какъ Николенька.

И вообще, только тогда художественное произведеніе пріобрѣтетъ полное значеніе, дастъ все, что оно можетъ дать—когда художникъ вѣдаетъ, что онъ творитъ. Писатель долженъ понимать, что онъ рисуетъ *a*, а не *b*, фактъ общественной жизни, а не личное ощущеніе и не явленіе природы. И благо познавшему истину!

III.

Г. Чеховъ положилъ начало своей извѣстности безчисленнымъ множествомъ мелкихъ разсказиковъ и повѣстушекъ, нерѣдко въ двѣ—три страницы, которые составили впослѣдствіи нѣсколько сборниковъ. Многіе склонны думать, что эта-то, такъ сказать, раздробленность таланта и послужила причиной поверхностнаго отношенія г. Чехова къ сюжетамъ его произведеній. Скороспѣлая, чуть-ли не ежедневная и отрывочная работа и привели будто-бы къ тому, что крупный по своей величинѣ талантъ размѣнялся на мелочи и съ тѣхъ поръ все еще не можетъ отдохнуть отъ лихорадочно-поспѣшной работы, сосредоточиться, собраться съ силами и создать что-нибудь болѣе крупное и продуманное. Въ этомъ-же смыслѣ возлагаются и надежды на будущее.

Едва ли, однако, это такъ. Едва ли поспѣшность и отрывочность работы были виной художнически-диллетантическаго воззрѣнія г. Чехова на міръ и на людей, а не наоборотъ. Многописаніе еще не обусловливаетъ непремѣнно ни небольшого размѣра произведенія, ни небольшой его глубины. Г. Потапенко вошелъ въ пословицу своей изумительно быстрой литературной фабрикаціей, но это не помѣшало ему написать нѣсколько большихъ вещей и вездѣ, по силѣ своего разумѣнія, дать ту или иную подкладку ихъ внѣшнему абрису. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ нашихъ многопишущихъ беллетристахъ: г. Немировичѣ-Данченко, г. Маминѣ-Сибирякѣ, г. Боборыкинѣ и др. Можно соглашаться или не согла-

шаться съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое придаютъ эти авторы сюжетамъ своихъ произведеній, можно находить ихъ взглядъ неправильнымъ и даже недостаточно глубокимъ, но нельзя сказать, что никакого освѣщенія общественной стороны изображаемыхъ ими фактовъ въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ, и что для нихъ не существуетъ этой стороны. Г. Чеховъ, напротивъ, и освободившись изъ подъ гнета спѣшной и отрывочной работы, остался все тѣмъ же литературнымъ миніатюристомъ, и его взглядъ на Божій міръ все такъ же поверхностенъ и мимолетенъ. Всѣ большія его произведенія страдаютъ отсутствіемъ органической цѣлостности и часто представляютъ лишь группу мелкихъ разсказовъ, связанныхъ единствомъ фабулы. Такова, напр., «Степь». И всѣ они отличаются неясностью, спутанностью и противорѣчивостью ихъ общественнаго смысла. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло уже не со случайнымъ явленіемъ, обусловливаемомъ чисто внѣшними и преходящими причинами, а съ органическимъ свойствомъ самаго таланта. И въ этомъ смыслѣ г. Чеховъ едва ли не «конченный человѣкъ». По крайней мѣрѣ, каждое новое его произведеніе по манерѣ письма ничѣмъ не отличается отъ предыдущихъ. Да и трудно, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы, написавъ такую массу вещей на самыя разнообразныя темы, какъ г. Чеховъ, писатель все еще не выяснилъ бы своей настоящей литературной физіономіи, и въ одинъ прекрасный день вдругъ явился бы передъ нами преображеннымъ по-Овидіевски. Но изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы мы не придавали произведеніямъ г. Чехова никакой цѣны, и говорили бы, что на него и на всѣ его будущія созданія надо рукой махнуть. Нѣтъ, «даже совсѣмъ напротивъ»,—недаромъ же мы назвали выше г. Чехова первымъ по силѣ таланта между современными русскими беллетристами. Какъ литературный пейзажистъ и какъ тонкій изобразитель психическаго міра человѣка—волненій, радостей и горестей каждой отдѣльной человѣческой души, но непремѣнно отдѣльной, взятой въ качествѣ самостоятельной индивидуальности, — г. Чеховъ немного имѣетъ себѣ равныхъ даже въ нашей богатой литературѣ. Какъ хороша, напримѣръ, хоть эта картина степи,

«Когда выходитъ луна, ночь становится блѣдной и томной. Мглы какъ не бывало. Воздухъ прозраченъ, свѣжъ и тепелъ, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдѣльные стебли бурьяна. На далекое пространство видны черепа и камни. Подозрительныя фигуры, похожія на монаховъ, на свѣтломъ фонѣ ночи кажутся чернѣе и смотрятъ угрюмѣе. Чаще и чаще среди моноточной трескотни, тревожа неподвижный воздухъ, раздается чье то удивленное «а-а!» и слышится крикъ неуснувшей или бредящей птицы. Широкія тѣни ходятъ по равнинѣ, какъ облака по небу, а въ непонятной дали, если долго всматриваться въ нее, высятся и громоздятся другъ на друга туманные, причудливые образы... Немножко жутко. А взглянешь на блѣдно-зеленое, усыпанное звѣздами небо, на которомъ ни облачка, ни пятна,—и поймешь, почему теплый воздухъ недвижимъ, почему и трава на сторожѣ и боится шевельнуться—ей жутко и жаль утерять хоть одно мгновеніе жизни. О необъятной глубинѣ и безграничности неба можно судить только на морѣ,

да въ степи, только ночью, когда свѣтитъ луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядитъ томно и манитъ къ себѣ, а отъ ласки его кружится голова».

Голова кружится и отъ этого описанія. Эта страница написана перомъ поэта, изящнымъ и тонкимъ. Ни одного рѣзкаго штриха, ни одной яркой краски—все мягко и нѣжно, все подернуто туманомъ, весь отрывокъ точно облитъ свѣтомъ лунной ночи.. Чертъ васъ побери, степи! какъ вы хороши у г. Чехова!

Этотъ изящный стиль, этотъ нѣжный колоритъ составляетъ отличительную черту описаній г. Чехова и даетъ имъ преимущество надъ этого же рода картинами другого талантливаго беллетриста, г. Короленко, въ которыхъ иной разъ рѣзкая черта нарушаетъ гармонію. У г. Чехова, напротивъ, все мягко, плавно и стройно.

Но не менѣе хорошъ г. Чеховъ и тогда, когда отъ бездушной, но одухотворяемой имъ природы обращается къ жизни индивидуальнаго человѣческаго духа. Вотъ, напримѣръ, описаніе душевнаго состоянія беременной женщины, измученной хлопотливымъ днемъ имянинъ и пріемами гостей, и дошедшей до такой степени напряженности нервовъ, когда все раздражаетъ и всѣ люди, даже самый близкій человѣкъ, мужъ, кажутся лживыми.

«Она изнемогла и хотѣла спать. Въ ея воображеніи вдругъ непрошенно, самъ собою выросъ маленькій человѣчекъ. Смѣясь, онъ сталъ гоняться за ея мыслями, перепуталъ ихъ, и потомъ, когда она закрыла глаза, легъ на подушку, рядомъ съ ея лицомъ, и сталъ дышать ей въ щеки. «Когда родится маленькій человѣчекъ, думала она, тогда она позоветъ большого человѣка и скажетъ: «Ты все лгалъ. Что-жъ? Поѣзжай на съѣздъ, или къ своимъ Любочкамъ и продолжай лгать. Ты ужъ больше мнѣ не нуженъ. У меня теперь есть существо, м о е, собственное, которое наполняетъ мнѣ жизнь». А Петръ Дмитричъ (мужъ героини) скажетъ: «Это существо столько же твое, сколько и мое. Ты не имѣешь права распоряжаться имъ». И ей стало вдругъ смѣшно, что Петръ Дмитричъ тоже имѣетъ права на маленькаго человѣка. И за то, что онъ имѣетъ эти права, она перестала сердиться на него. «Я скажу: ну, ну, верзила, иди и ты сюда, я пошутила...»

А вотъ еще одна психологическая черточка изъ той же исторіи:

«Когда—бываютъ такія минуты,—ненавидишь сытаго, тяжелаго и упрямаго человѣка, то самою некрасивою частью его тѣла почему то представляется затылокъ. Ольга Михайловна ненавидѣла теперь въ мужѣ именно его затылокъ, барскій, красиво подстриженный, лоснящійся, и ей казалось, что раньше она не замѣчала у мужа этого затылка».

Воля ваша—а этотъ, ставшій предметомъ ненависти затылокъ стоитъ знаменитыхъ выросшихъ ушей мужа Анны Карениной.

Какъ психологъ, какъ наблюдатель потаенной внутренней жизни человѣка, помысловъ и душевныхъ движеній, зарождающихся въ интимной глубинѣ его «я», да большей частью тамъ и остающихся, г. Чеховъ — особенный мастеръ изображать дѣтей. Вѣдь у дѣтей только и есть эта внутренняя, психическая жизнь — въ жизни внѣшней они принимаютъ самое незначительное и то большей частью безвольное участіе, общественной роли не играютъ никакой, — мы

подразумѣваемъ активной общественной роли. И оттого, чтобы постичь ихъ сравнительно несложную духовную физіономію, чтобы войти въ дѣтскій міръ въ качествѣ вѣрнаго и понимающаго наблюдателя, въ качествѣ «своего человѣка», и вынести оттуда цѣльныя и законченныя впечатлѣнія, достаточно быть тонкимъ психологомъ. Здѣсь не требуется пониманія сложной, шумящей за стѣнами дѣтской, общественной жизни, не требуется изображенія причинной связи явленій—дѣтскій міръ самъ себѣ довлѣетъ. И здѣсь въ буквальномъ смыслѣ приложимо изреченіе — «утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ».

И г. Чеховъ является передъ нами этимъ живымъ и проницательнымъ младенцемъ, который научитъ премудрыхъ и разумныхъ, но, увы! только о своей, младенческой, жизни. Его прелестные дѣтскіе разсказы—«Дѣтвора», «Ванька», «Кухарка женится», «Событіе», «Дома», «Бѣглецъ» — одинъ лучше другого и стоятъ въ первомъ ряду этой отрасли нашей литературы.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ чуднаго разсказа «Событіе», изображающаго одно изъ событій дѣтской жизни—рожденіе «семейной» кошкой новаго поколѣнія котятъ.

— «Давай, построимъ котятамъ домики,—предлагаетъ Ваня.—Они будутъ жить въ разныхъ домахъ, а кошка будетъ къ нимъ въ гости ходить...

Въ разныхъ углахъ ставятся картонки изъ-подъ шляпъ. Въ нихъ поселяются котята. Но такой семейный раздѣлъ оказывается преждевременнымъ: кошка, сохраняя на рожицѣ умоляющее и сантиментальное выраженіе, обходитъ всѣ картонки и сноситъ своихъ дѣтей на прежнее мѣсто.

— Кошка ихняя мать,—замѣчаетъ Ваня,—а кто отецъ?

— Да, кто отецъ?—повторяетъ Нина.

— Безъ отца имъ нельзя.

Ваня и Нина долго рѣшаютъ, кому быть отцомъ котятъ, и въ концѣ концовъ выборъ ихъ падаетъ на большую, темнокрасную лошадь съ оторваннымъ хвостомъ, которая валяется въ кладовой, подъ лѣстницей, и вмѣстѣ съ другимъ игрушечнымъ хламомъ доживаетъ свой вѣкъ. Ее тащутъ изъ кладовой и ставятъ около ящика.

— Смотри же!—грозятъ ей,—стой тутъ и гляди, чтобъ они вели себя приличнѣе».

Неправда ли, что сами Ваня и Нина не могли бы лучше разсказать о себѣ и своихъ маленькихъ радостяхъ и тревогахъ? Но г. Чеховъ умѣетъ не только «умалиться и быть какъ дити», но даже сдѣлать подчасъ мѣткое наблюденіе изъ сферы общественной жизни, выхватить кусокъ ея канвы съ отрывочнымъ узоромъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ такой кусокъ съ узоромъ значительнымъ и интереснымъ.

Герой «Скучной исторіи», старый профессоръ, задумывается объ отношеніяхъ его жены и дочери къ его воспитанницѣ, дочери его умершаго друга, Катѣ, которая имѣла внѣбрачную связь.

«Варя и Лиза обѣ ненавидятъ Катю. Ненависть эта мнѣ непонятна и, вѣроятно, чтобы ее понимать, нужно быть женщиной. Я ручаюсь головой, что изъ тѣхъ полутораста молодыхъ мужчинъ, ко-

торыхъ я почти ежедневно вижу въ своей аудиторіи, и изъ той сотни пожилыхъ, которыхъ мнѣ приходится встрѣчать каждую недѣлю, едва ли найдется хоть одинъ такой, который умѣлъ бы понимать ненависть и отвращеніе къ прошлому Кати, т. е. къ внѣбрачной беременности и къ незаконному ребенку; и въ то же время я никакъ не могу припомнить ни одной такой знакомой мнѣ женщины или дѣвушки, которая сознательно или инстинктивно не питала бы въ себѣ этихъ чувствъ. И это не оттого, что женщина добродѣтельнѣе и чище мужчины: вѣдь добродѣтель и чистота мало чѣмъ отличаются отъ порока, если онѣ не свободны отъ злого чувства. Я объясняю это просто отсталостью женщинъ. Унылое чувство состраданія и боль совѣсти, какія испытываетъ современный мужчина, когда видитъ несчастіе, гораздо больше говорятъ мнѣ о культурѣ и нравственномъ ростѣ, чѣмъ ненависть и отвращеніе. Современная женщина такъ же слезлива и груба сердцемъ, какъ и въ средніе вѣка. И по моему, вполнѣ благоразумно поступаютъ тѣ, которые совѣтуютъ ей воспитываться, какъ мужчина».

Сентенція, какъ видите, остроумная и даже законченная — съ объясненіемъ явленія и съ указаніемъ на выходъ изъ ненормальной фазы. Но все же это только сентенція, т. е. теоретическое размышленіе, а не художественный образъ. Въ этомъ отрывкѣ г. Чеховъ является публицистомъ, а не художникомъ. И рядомъ съ этимъ размышленіемъ стоитъ рядъ другихъ, столь же мѣткихъ наблюденій стараго профессора надъ литературой, театромъ, своими слушателями, самимъ собой и т. д. Но всѣ эти разсужденія — афоризмы публициста, а не вдохновенія художника, и, между тѣмъ, даже въ этихъ сентенціяхъ «самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей». Онѣ производятъ впечатлѣніе разрозненныхъ «листковъ изъ альбома».

Наше перечисленіе достоинствъ г. Чехова было бы неполно, если бы мы не упомянули среди нихъ юмора. Правда, юморъ г. Чехова, какъ и слѣдовало ожидать, не отличается ни глубиной, ни силой—это не Гоголевскій смѣхъ сквозь слезы, не жгучая, какъ ударъ бича, иронія Салтыкова, — это просто веселый, искренній и умный, а потому и заразительный смѣхъ наблюдательнаго и остроумнаго человѣка. Юморъ г. Чехова есть юморъ анекдота, онъ скользитъ по поверхности и задѣваетъ лишь внѣшнюю сторону то того, то другого отрывочнаго явленія, но въ этомъ его свойствѣ только отразились общія свойства писателя. А юморъ этотъ всетаки заставитъ васъ не разъ улыбнуться, а подчасъ и весело разсмѣяться. Такія юмористическія странички, напримѣръ, какъ «Толстый и тонкій», «Орденъ», «Клевета», «Капитель», «Загадочная натура» и т. п. изъ «Пестрыхъ разсказовъ» представляютъ просто филигранную работу и въ нихъ, кажется, ни одной строчки нельзя ни прибавить, ни убавить. Но все же это — только отдѣльныя странички, т. е. нѣчто поверхностное и отрывочное. Вотъ, напримѣръ,

одна изъ такихъ страничекъ, заимствованная изъ разсказа «Свистуны».

Помѣщикъ и патріотъ своего отечества, Восьмеркинъ, водитъ своего брата-магистра, пріѣхавшаго къ нему погостить, по имѣнію и просвѣщаетъ его насчетъ народныхъ добродѣтелей.

— «Взять хоть-бы этого Фильку... Ну, чего, дуракъ, смѣешься? Я серьезно говорю, а ты смѣешься... Взять хоть этого дурня... Погляди, магистръ! Въ плечахъ — косая сажень! Грудища, словно у слона. Съ мѣста, анаѳему, не сдвинешь. А сколько въ немъ силы-то этой нравственной таится! Сколько таится! Этой силы на десятокъ насъ, интеллигентовъ, хватитъ... Дерзай Филька! Бей! Не отступай отъ своего: крѣпко держись! Ежели кто будетъ говорить тебѣ что нибудь, совращать, то плюй, не слушай... Ты сильнѣе, лучше! Мы тебѣ подражать должны!

— Господа наши милостивые!—замигалъ глазами степенный кучеръ Антипъ.—Нешто онъ это чувствуетъ? Нешто понимаетъ господскую ласку? Ты въ ножки, простофиля, поклонись и ручку поцѣлуй... Милостивцы вы наши! На что хуже человѣка, какъ Филька, да и то вы ему прощаете, а ежели человѣкъ тверезый, не баловникъ, такъ такому не жисть, а рай... Дай Богъ всякому... И награждаете и взыскиваете.

— Ввво! Самая суть заговорила! Патріархъ лѣсовъ! Понимаешь, магистръ? «И награждаете, и взыскиваете»... Въ простыхъ словахъ идея справедливости!.. Преклоняюсь, братъ! Вѣришь-ли? Учусь у нихъ! Учусь!

— Это вѣрно-съ... замѣтилъ Антипъ.

— Что вѣрно?

— Насчетъ ученья-съ...

— Какого ученья? Что ты мелешь?

— Я насчетъ вашихъ словъ-съ... насчетъ ученія-съ... На то вы и господа, чтобы всякія ученія постигать... Мы темень! Видимъ, что вывѣска написана, а что она, какой смыслъ обозначаетъ, намъ и невдомекъ... Носомъ больше понимаемъ... Ежели водкой пахнетъ, то значитъ—кабакъ, ежели дегтемъ, то лавка...

— Магистръ, а? Что скажешь? Каковъ народъ? Что ни слово, то съ закорючкой, что ни фраза, то глубокая истина! Гнѣздо, братъ, правды въ Антипкиной головѣ! А погляди-ка на Дуняшку! Дуняшка, пошла сюда! — И дальше началось изслѣдованіе добродѣтелей Дуняшки».

Забавно все это, конечно, и ѣдко, но художникъ, умѣющій «смотрѣть въ корень вещей», не такъ-ли разработалъ этотъ мотивъ.

XV.

Мы, критики,—странный народъ. Недаромъ насъ упрекаютъ въ неумѣніи и нежеланіи оцѣнить по достоинству «все высокое и все

прекрасное» и говорятъ, что у насъ дурной характеръ. И дѣйствительно, характеръ у насъ самый неуживчивый, и всѣ мы—большія придиры. Во всемъ норовимъ мы отыскать дурную сторону, и, вмѣсто того, чтобы разсуждать о достоинствахъ писателя, вѣчно заведемъ разговоръ объ его недостаткахъ. Вотъ и теперь, напримѣръ, не лучше-ли было-бы, поговоривъ о достоинствахъ г. Чехова, скромно положить перо — благо достоинства эти, дѣйствительно, крупныя, и писатель г. Чеховъ, дѣйствительно, очень талантливый. Анъ нѣтъ— и вашъ покорный слуга, по примѣру своихъ собратій, никакъ не хочетъ успокоиться на созерцаніи свѣтлаго явленія, а все стремится подчеркнуть его темныя пятна. А впрочемъ, и то сказать — кому много дано, съ того много и спросится, и не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные.

Обратимся-же къ больному мѣсту г. Чехова — къ непониманію имъ общественнаго характера своихъ произведеній и къ происходящей остюда ихъ неясности и отрывочности. Мы оставимъ въ сторонѣ мелкія произведенія г. Чехова, въ которыхъ эта незаконченность и неясность еще могутъ быть объяснены самыми размѣрами разсказовъ, а также неблагопріятными условіями, при которыхъ началась литературная карьера г. Чехова. Относительно этихъ разсказовъ въ нашей критикѣ уже не разъ слышались жалобы на ихъ краткость и мимолетность — на то, что авторъ, едва успѣвъ представить намъ своихъ героевъ и заинтересовать насъ ихъ судьбой, спѣшитъ тотчасъ-же опустить занавѣсъ, и читатели остаются съ раскрытымъ ртомъ, чувствуя, что по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Мы и ограничимся здѣсь по отношенію къ мелкимъ произведеніямъ г. Чехова констатированіемъ этихъ жалобъ, очевидно, вполнѣ совпадающихъ съ нашими, и обратимся къ наиболѣе крупнымъ его вещамъ.

Изъ нихъ первыя три — «Степь», «Огни» и «Имянины» могутъ также остаться въ сторонѣ, ибо «Степь», какъ уже было замѣчено, представляетъ собственно рядъ мелкихъ разсказовъ, связанныхъ въ одинъ большой лишь единствомъ героевъ и полотномъ той степи, по которой они идутъ; «Огни»-же и «Имянины» не включены авторомъ въ его отдѣльные сборники, и, очевидно, имъ самимъ признаны произведеніями неудачными или незаконченными.

Итакъ, обратимся къ «Иванову». При появленіи этой пьесы въ печати и на сценѣ она была встрѣчена похвалами однихъ и недоумѣніемъ другихъ. Въ концѣ концовъ, однако, всѣ сошлись на томъ, что это—произведеніе талантливое и «свѣжее», но относительно его смысла, точнѣе относительно смысла главной фигуры пьесы, ея героя — Иванова, мнѣнія какъ были, такъ и остались различны, и недоумѣніе въ этомъ отношеніи не прекращалось. Одни видѣли въ этой пьесѣ «идеализацію отсутствія идеаловъ» или «проповѣдь сѣренькаго, будничнаго житья», причемъ самъ Ивановъ и являлся этимъ идеализированнымъ представителемъ отсутствія идеаловъ или проповѣдникомъ «презреннаго» житія. Другіе видѣли въ пьесѣ зна-

меніе поворота въ настроеніи нашего общества, будто-бы убѣдившагося въ неосуществимости и даже ненужности такъ называемыхъ «широкихъ задачъ» и желающаго замѣнить ихъ «маленькимъ, но полезнымъ и честнымъ дѣломъ», а въ Ивановѣ — типъ человѣка, на собственномъ опытѣ увидѣвшаго необходимость такой замѣны. Оба эти истолкованія естественно должны были особенно подчеркивать фамилію героя драмы г. Чехова, и въ ея обыденности усматривать покушеніе автора придать своему произведенію, такъ называемый, общественный смыслъ. Третье истолкованіе оставляло, напротивъ, фамилію героя въ сторонѣ, и видѣло въ немъ довольно рѣдкій типъ «уставшаго» человѣка, человѣка не столько «заѣденнаго», сколько у т о м л е н н а г о окружающей его пустой и пошлой средой, въ которой онъ не находитъ ни поддержки, ни сочувствія, а лишь постоянное противодѣйствіе; симпатію-же къ нему автора объясняло именно печальнымъ положеніемъ Иванова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это истолкованіе справедливо полагало, что центръ тяжести пьесы г. Чехова совсѣмъ не въ личности Иванова и его страстныхъ, но двусмысленныхъ тирадахъ, а въ психологической драмѣ, совершающейся вокругъ него и въ которой онъ является лишь однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, хотя въ тоже время и главной ея причиной.

Уже самое обиліе этихъ, взаимно исключающихъ другъ-друга, толкованій ясно указываетъ, что въ пьесѣ г. Чехова не все обстоитъ благополучно, и что въ обрисовкѣ ея главнаго героя кроется какой-то недостатокъ, который мѣшаетъ понять истинный смыслъ этой фигуры. Если первое и второе изъ приведенныхъ нами истолкованій еще могутъ объясняться противоположностью руководящихъ воззрѣній высказывавшихъ ихъ лицъ, то третье (едва-ли не наиболѣе правдоподобное, надо замѣтить) уже не можетъ быть объяснено этими воззрѣніями.

И, дѣйствительно, читая пьесу г. Чехова, мы на каждомъ шагу слышимъ отъ самаго Иванова и отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ жалобы на внезапно постигшее его утомленіе и апатію и воспоминанія о прежнемъ, еще очень недавнемъ, счастливомъ времени, когда онъ поражалъ всѣхъ своей энергіей и дѣятельностью. Но гдѣ-же причина этого перелома? Что утомило Иванова? почему онъ разочаровался? почему онъ обратился въ «казанскую сироту?» Эти вопросы неизбѣжно встаютъ передъ читателемъ, но на нихъ нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ безъ этого отвѣта фигура Иванова остается неясна для насъ. Мы недоумѣваемъ, съ чего-же это, наконецъ, ему «попритчилось?» и слыша безпрестанныя жалобы на его надорванность и вздохи о быломъ, и получая въ отвѣтъ на наше сочувственное недоумѣніе отъ самаго героя лишь троекратное «не понимаю, не понимаю, не понимаю!», — съ досады готовы забыть всѣ хитроумныя комментаріи критики и объяснить бѣду Иванова столь обычнымъ въ наши дни «переутомленіемъ». Это объясненіе, дѣйствительно, самое простое и не требуетъ никакой санкціи со стороны автора, но

такомъ случаѣ, какой-же общественный смыслъ имѣетъ фигура Иванова, да и вся пьеса г. Чехова? Смыслъ интереснаго «клиническаго явленія», что-ли?

Но въ томъ-то и причина всѣхъ причинъ, что самого г. Чехова нисколько не интересуютъ ходъ переворота, случившагося съ его героемъ, и обстоятельства, вызвавшія этотъ переворотъ. Весь его интересъ сосредоточенъ на психологической драмѣ, совершающейся между Ивановымъ, его женой и Сашей. Г. Чехова поразила возможность такой комбинаціи обстоятельствъ, что утомленный (чѣмъ,— это все равно) и разочаровавшійся въ своихъ идеалахъ (почему разочаровавшійся и въ какихъ идеалахъ, это тоже безразлично) человѣкъ влюбляется въ полную молодости, надеждъ и силъ дѣвушку, которая привлекаетъ его именно избыткомъ духовной силы, имъ уже утраченной, а сама въ свою очередь влюбляется въ него, какъ единственнаго живого и мыслящаго среди окружающихъ ее человѣка, причемъ его усталость и надорванность еще сильнѣе привязываютъ ее къ нему, давая пищу ея женскому состраданію. Эта комбинація обстоятельствъ принимаетъ драматическій характеръ, вслѣдствіе того, что герой женатъ и, хотя самъ разлюбилъ жену, но связанъ ея любовью къ нему и какими-нибудь исключительными обстоятельствами (въ данномъ случаѣ еврействомъ Сарры и разрывомъ ея съ ея родителями изъ-за брака съ христіаниномъ). На почвѣ вотъ этой-то психологической комбинаціи строитъ г. Чеховъ свою пьесу, и все, что выходитъ за ея предѣлы въ область предъидущихъ обстоятельствъ, рисуется имъ лишь самыми общими чертами. Поэтому-то вся надорванность его Иванова объясняется намъ примѣромъ работника Семена, взвалившаго себѣ на спину слишкомъ тяжелый куль и надорвавшагося подъ нимъ. Но Семенъ надорвался физически, въ силу вполнѣ естественныхъ причинъ, а Ивановъ надорвался духовно, въ силу причинъ далеко не столь опредѣленнаго характера. Да и гдѣ тотъ тяжелый куль, подъ которымъ изнемогъ Ивановъ? Онъ остался за сценой, и мы только слышимъ о немъ, и притомъ въ самыхъ общихъ словахъ.

Но за то все, что относится къ предмету, интересующему автора,— къ вышеупомянутой психологической драмѣ, написано рукой блестящаго мастера. По прочтеніи пьесы васъ всецѣло охватываетъ впечатлѣніе того, что древніе греки называли «судьбой», всемогущей судьбой, которая господствуетъ надъ людьми и богами. Здѣсь вы видите одно изъ проявленій этой судьбы—трагедію, въ которой всѣ дѣйствующія лица—жертвы, но въ которой нѣтъ виноватыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ивановъ не виноватъ въ томъ, что, по той-ли, по другой-ли причинѣ, утомился отъ житейскихъ тревогъ и разлюбилъ жену (*NB.* причины этого охлажденія остаются, впрочемъ, для насъ неясны, также какъ неясно, должно-ли ихъ поставить въ зависимость отъ общаго разочарованія Иванова или нѣтъ? Но въ этомъ выразилось все то же пренебреженіе нашего автора къ предыдущему мо-

менту). Не виноватъ Ивановъ также и въ томъ, что пошелъ за сочувствіемъ, въ которомъ онъ такъ нуждался, туда, гдѣ могъ его найти. Но не виновата и Сарра, такъ какъ во всѣхъ ея поступкахъ ею руководила любовь къ мужу. Возлюбить попроизволу нельзя, а о необходимости самоотреченія и самопожертвованія легко только говорить и писать. Но невозможно обвинить и Сашу—нельзя обвинять молодую, чуткую и энергическую натуру за то, что она стремится туда, гдѣ можетъ найти отвѣтъ своимъ порывамъ. Ивановъ, и разочарованный, и уставшій, цѣлой головой выше окружающей его среды, а любовь не можетъ не питать надежды вдохнуть опять въ любимаго человѣка прежнія силы.

Въ пьесѣ г. Чехова нѣтъ виноватыхъ, и поставленная имъ психологическая комбинація развита въ ней блистательно. Но опредѣленнаго общественнаго смысла нѣтъ ни въ самой пьесѣ, ни въ фигурѣ ея героя. Истолкованіе, объясняющее надорванность Иванова несоотвѣтствіемъ его интеллигентной натуры съ окружающей его пошлой средой, кажется намъ самымъ правдоподобнымъ, но и оно въ сущности не болѣе какъ гипотеза. И, если даже принять ее за истину, все-же не на этомъ несоотвѣтствіи сосредоточится вниманіе читателя, направляемое авторомъ. И нашей критикѣ, если-бы она не обладала такимъ дурнымъ характеромъ, слѣдовало-бы ограничиться исключительно разсмотрѣніемъ вышеупомянутой психологической драмы. Но критика, по свойственной ей неделикатности, оставила эту драму совсѣмъ въ сторонѣ (что было уже, разумѣется, неосновательно), и стала придираться къ г. Чехову и требовать, чтобы онъ объяснилъ общественный смыслъ личности Иванова. И вѣдь права была неделикатная критика — Ивановъ есть общественный дѣятель, онъ играетъ активную общественную роль, онъ не какой-нибудь Косыхъ, съ головой и ногами ушедшій въ винтъ: у него, очевидно, есть или, по крайней мѣрѣ, были извѣстные опредѣленные общественные взгляды, симпатіи и антипатіи—однимъ словомъ онъ человѣкъ, обладающій міросозерцаніемъ. Такъ, гдѣ-же оно, міросозерцаніе вашего героя, г. Чеховъ? Покажите намъ его. Вѣдь онъ несомнѣнно человѣкъ извѣстной окраски. Но передъ нами стоитъ блѣдная, безцвѣтная въ общественномъ смыслѣ фигура. И мы чувствуемъ неудовлетворенность. Не зная міросозерцанія Иванова, не видя его окраски, не вѣдая, что представляетъ онъ изъ себя, какъ членъ общества, мы не можемъ объяснить себѣ ни причины случившагося съ нимъ переворота, ни смысла его фигуры. И мы чувствуемъ прямо эстетическую неудовлетворенность — фигура Иванова не закончена, не полна: цѣлая сторона ея—сторона несомнѣнно ей принадлежащая и весьма важная, осталась недорисованной. Въ этомъ смыслѣ каррикатурный Косыхъ гораздо болѣе удовлетворяетъ насъ — Косыхъ весь исчерпывается словомъ «винтъ», и больше съ него нечего и спрашивать. Но что такое Ивановъ?

Чтобы загладить нѣсколько нашу неделикатность, упомянемъ,

что всѣ остальныя лица пьесы, кромѣ ея героя, изображены прекрасно, хотя, впрочемъ, на комическихъ ея лицахъ и сказалось немного вліяніе долгаго сотрудничества автора пьесы въ юмористическихъ журналахъ. Но за то всѣ эти фигуры и не имѣютъ общественнаго значенія. Исключеніе составляетъ лишь докторъ Львовъ—типъ формальнаго моралиста, человѣка «бездарной, безжалостной честности», какъ называетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Подобные герои отвлеченной морали, люди разсудочной, а не сердечной любви къ ближнему, всегда и во всемъ руководствующіеся готовымъ шаблономъ, «общимъ взглядомъ», и не желающіе видѣть и знать живыхъ людей и всѣ сложныя и запутанныя подробности живой жизни,—дѣйствительно, довольно часто встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, хотя, впрочемъ, сравнительно рѣдко имѣютъ либеральную окраску доктора Львова. Это лицо едва-ли не единственный типъ общественнаго характера, удавшійся г. Чехову, и какъ исключеніе, конечно, только подтверждаетъ, извѣстное намъ общее правило. Но и здѣсь г. Чеховъ не преминулъ нѣсколько спутать и затемнить общественный смыслъ изображеннаго имъ лица, заставивъ зачѣмъ-то Львова оказаться влюбленнымъ въ жену Иванова. Это совершенно не идущее къ дѣлу осложненіе портитъ всю фигуру Львова: если онъ ненавидѣлъ и обличалъ Иванова только изъ любви къ его женѣ, то что-же въ немъ типичнаго и даже интереснаго? Мало-ли влюбленныхъ въ чужихъ женъ, готовыхъ истребить ихъ мужей съ лица земли. Но въ тоже время во всемъ остальномъ, въ отношеніяхъ своихъ къ Лебедеву, Шабельскому и ко всему провинціальному обществу и по всей окраскѣ своей фигуры, Львовъ—типичный герой отвлеченной морали. Но въ такомъ случаѣ къ чему-же приплетена его любовь къ женѣ Иванова? Что она прибавляетъ къ его типу и уясняетъ въ немъ? Въ качествѣ прямолинейнаго моралиста, Львовъ и безо всякихъ нѣжныхъ чувствъ къ Саррѣ долженъ обличать и казнить Иванова. И даже болѣе того—только тогда его лицо и пріобрѣтаетъ ясность и законченность, когда онъ будетъ дѣйствовать въ силу общаго склада своей духовной физіономіи, а не въ силу частныхъ причинъ, которыя присущи ему одному. Но нашъ авторъ, въ качествѣ чистокровнаго психолога, не могъ не навязать лицу, имѣющему смыслъ общественнаго типа, совершенно ненужныя романическія чувства, и заставилъ насъ, читателей, въ его-же интересахъ, стараться забыть о нихъ и закрывать на нихъ глаза для того, чтобы лучше уяснить себѣ общественное значеніе фигуры доктора Львова. Это мелочь, конечно, но мелочь характерная для г. Чехова.

V.

Перейдемъ къ «Скучной исторіи». Эта вещь отличается оригинальной особенностью—она вся пересыпана вставками публицисти-

П. Перцов

ческаго характера, тѣми, подчасъ вѣрными, подчасъ парадоксальными, но всегда живыми и остроумными, «свѣжими» сентенціями, образецъ которыхъ мы приводили выше. Благодаря этой особенности, читая «Скучную исторію», кажется, что просматриваешь записную книжку очень умнаго и наблюдательнаго человѣка. Кромѣ того, повѣсть отличается обычнымъ для г. Чехова мастерствомъ психологическаго анализа. Второстепенныя лица очерчены тоже мастерски, но всѣ они представляютъ лишь силуэты, абрисы. Наиболѣе законченная и наиболѣе интересная изъ нихъ фигура помощника стараго профессора, прозектора Петра Игнатьевича — типъ «ученой тупицы», но и это лицо обрисовывается, главнымъ образомъ, словами самаго профессора, отъ лица котораго ведется, какъ извѣстно, и весь разсказъ.

Этотъ профессоръ представляетъ фигуру странную и загадочную. Ему 62 года, онъ не только чувствуетъ старость, но и ждетъ скорой смерти. Въ тоже время онъ не какой нибудь заурядный чиновникъ отъ науки, существующій лишь для занятія штатной каѳедры, а знаменитый ученый, имя котораго извѣстно всему медицинскому міру и даже среди публики пользуется большой популярностью и почетомъ. Онъ человѣкъ въ высшей степени интеллигентный, отзывчивый и всесторонне образованный. Онъ интересуется не одной только своей спеціальностью и даже смѣется надъ учеными, замыкающимися въ тѣсную научную келью. Среди своихъ близкихъ друзей онъ считаетъ такихъ свѣтилъ нашей интеллигенціи, какъ Пироговъ, Кавелинъ, Некрасовъ. Однимъ словомъ, это, очевидно, человѣкъ выдающихся умственныхъ способностей, и въ силу этого, также какъ въ силу своей близости къ нашимъ интеллигентнымъ вершинамъ, въ силу избранной имъ профессіи, въ силу своего возраста, наконецъ, долженъ, повидимому, представлять человѣка съ твердо опредѣленнымъ взглядомъ на жизнь, съ ясными идеалами. Во имя чего-же иначе дѣйствовалъ онъ всю свою долгую жизнь, столь богатую содержаніемъ и результатами? И однако, къ крайнему изумленію читателя, оказывается, что именно идеаловъ-то и нѣтъ у этого знаменитаго ученаго и друга Некрасова и Кавелина, и онъ именно произноситъ цитированную нами выше жалобу о разбросанности своей умственной жизни и объ отсутствіи въ ней общей идеи. Правдоподобно ли это? Возможно ли представить себѣ не то, что знаменитаго, совершившаго на своемъ вѣку рядъ открытій, но даже обыкновеннаго, «маленькаго» ученаго, который не имѣлъ бы «бога живого человѣка?» Да вѣдь наука-то и будетъ для него этимъ богомъ. Иначе какъ же бы онъ могъ отдать ей всю свою жизнь и отдать не изъ какихъ либо разсчетовъ или по случайности, а изъ любви къ ней? Герой г. Чехова мечтаетъ, какъ хорошо было бы послѣ смерти «проснуться лѣтъ черезъ сто и хоть однимъ глазомъ взглянуть, что будетъ съ наукой...» Онъ говоритъ: «испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука — самое важное, самое

прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя». И вдругъ оказывается, что у него нѣтъ бога живого человѣка, и онъ всю жизнь жилъ невѣдомо какъ и для чего! Онъ даже прямо заявляетъ: «А коли нѣтъ этого (т. е. бога), то, значитъ, нѣтъ и ничего». Какъ нѣтъ ничего? А какимъ же образомъ и за что получилъ Николай Степановичъ свою славу и всеобщее уваженіе? Нѣтъ, воля ваша, г. Чеховъ, а ужъ что нибудь одно: или Николай Степановичъ выдающійся дѣятель науки и одна изъ звѣздъ нашей интеллигенціи, или онъ блуждающій въ пустынѣ сомнѣній и безвѣрія нытикъ, не знающій, что ему дѣлать, куда идти и какимъ богамъ молиться, а потому и лишенный возможности что либо сдѣлать. Соединять же ту и другую роль въ одномъ лицѣ значитъ по-истинѣ стараться объять необъятное и представлять читателямъ, вмѣсто яснаго и законченнаго типа, какое-то воплощенное contradictio in objecto.

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань.

И если г. Чеховъ желалъ, дѣйствительно, показать намъ типъ человѣка, удрученнаго отсутствіемъ «бога», то онъ долженъ былъ бы уяснить себѣ коренныя черты и особенности этого типа и совлечь со своего героя всѣ случайные и противорѣчащіе основному смыслу его фигуры аксессуары, а безъ этого мы опять, какъ въ «Ивановѣ», принуждены пожимать плечами и въ недоумѣніи восклицать:

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочетъ.

VI.

Впрочемъ, и самъ г. Чеховъ, очевидно, почувствовалъ художественную противорѣчивость своего профессора и захотѣлъ дать намъ болѣе точное и правдоподобное изображеніе того же, столь интереснаго и важнаго въ общественномъ смыслѣ типа. Мы говоримъ о фигурѣ Лаевскаго, героя самой большой и, на нашъ взглядъ, самой лучшей повѣсти г. Чехова—«Дуэль», которая почему то, и совершенно незаслуженно, была игнорирована нашей критикой. Лаевскій это тотъ же невѣдающій бога, не имѣющій идеаловъ и жизненной цѣли современный русскій интеллигентъ — идейный пустоцвѣтъ, какихъ такъ много выросло на болотистой почвѣ современной дѣйствительности. Но съ этого типа уже сняты ненужныя и неподобающія ему регаліи—профессорство, извѣстность, научныя заслуги, дружба съ знаменитостями, даже 62 года, и онъ является передъ нами въ самомъ заурядномъ, обыденномъ своемъ видѣ—молодого человѣка, 28 лѣтъ, кончившаго, какъ всѣ, гимназію и уни-

П. Перцов

верситетъ, и теперь служащаго въ видахъ пріобрѣтенія средствъ къ пропитанію, но службой, конечно, не интересующагося, да и вообще ничѣмъ особенно не интересующагося. Онъ не глупъ, кое что читалъ, кое что слыхалъ, имѣетъ почти обо всемъ краткія понятія, смутныя и поверхностныя, а на дѣлѣ не знаетъ ничего. Главное содержаніе его жизни составляетъ такъ называемая «любовь», т. е. любовныя исторіи и приключенія. Къ началу повѣсти онъ увезъ отъ мужа жену и поселился съ ней въ маленькомъ мѣстечкѣ на Кавказскомъ берегу Чернаго моря, гдѣ и служитъ. Внѣшнюю схему жизни Лаевскаго довольно вѣрно рисуетъ его заклятый врагъ, зоологъ фонъ-Кореиъ: «утромъ туфли, купанье и кофе, потомъ до обѣда туфли, моціонъ и разговоры, въ два часа туфли, обѣдъ и вино, въ пять часовъ купанье, чай и вино, затѣмъ винтъ и лганье, въ десять часовъ ужинъ и вино, а послѣ полуночи сонъ и la femme». Но эта жизненная программа, которою вполнѣ удовлетворились бы очень многіе благополучные россіяне, вопреки увѣреніямъ фонъ-Корена, не удовлетворяетъ Лаевскаго. Въ качествѣ настоящаго идейнаго пустоцвѣта, онъ все чего то хочетъ, къ чему то стремится, о чемъ то вздыхаетъ. Плаванье по житейскому морю безъ руля и вѣтрила поселило въ немъ taedium vitae, и онъ хотѣлъ бы найти надлежащій курсъ и поплыть по опредѣленному направленію съ вполнѣ осмысленными цѣлями. Но ему не удается найти этотъ курсъ: безалаберное воспитаніе, безалаберная жизнь, отчужденность отъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ, привычка относиться къ жизни спустя рукава и жить, какъ попало, день за днемъ, незнаніе, куда обратиться и гдѣ искать свѣта, наконецъ, закоренѣлая лѣнь—все это наложило на Лаевскаго неизгладимую печать и заградило ему дорогу къ истинѣ и къ идеаламъ. И онъ мечется въ безвыходномъ лабиринтѣ сомнѣній и тоски: то ищетъ смысла жизни въ любви; то бросаетъ любимую женщину, убѣдившись, что громкія слова, украшавшія его любовь, были лишь фразами, прикрывавшими животную страсть; то мечтаетъ о своемъ возрожденіи и новой, полезной и разумной жизни; то окончательно замыкается въ пессимизмѣ, или вѣрнѣе въ хандрѣ, и начинаетъ философствовать на ту тему, что онъ есть собственно историческое явленіе—«лишній человѣкъ», прямой потомокъ Онѣгина, Печорина, Рудина и т. д.

Правда, въ концѣ повѣсти г. Чеховъ совершилъ со своимъ героемъ Овидіевскую метаморфозу и заставилъ его, подъ вліяніемъ страха смерти и строгой провѣрки своей жизни передъ дуэлью, преобразиться изъ идейнаго пустоцвѣта въ человѣка дѣла, внезапно обрѣвшаго и опредѣленные идеалы, и способность къ работѣ. Но, каемся, это возрожденіе Лаевскаго непонятно для насъ, да и не радуетъ насъ. Непонятно, потому что оно до такой степени противорѣчитъ основному смыслу фигуры Лаевскаго, что для полнаго его правдоподобія и ясности слишкомъ [illegible] того матеріала,

который данъ г. Чеховымъ. Изобразивъ начало этого возрожденія, то кающееся и любвеобильное состояніе духа, которое было вызвано въ Лаевскомъ открытіемъ измѣны жены и еще болѣе опасностью дуэли и которое могло быть лишь кратковременнымъ настроеніемъ и пройти безслѣдно, г. Чеховъ пропускаетъ три съ лишнимъ мѣсяца и показываетъ намъ Лаевскаго уже вполнѣ преображеннаго и сформировавшагося въ истиннаго общественнаго дѣятеля. Итакъ, возрожденіе происходитъ собственно за кулисами, и благодушнымъ читателямъ предоставляется вѣрить автору на-слово и дорисовывать по своему усмотрѣнію оставленный имъ пробѣлъ. Но, если бы даже эта задача была исполнена самимъ г. Чеховымъ, и его изложеніе не оставляло желать ничего лучшаго, и тогда мы отказались бы радоваться присоединенію грѣшника къ сонму праведниковъ, ибо общественный интересъ имѣетъ фигура Лаевскаго лишь до возрожденія. Грѣшники-Лаевскіе встрѣчаются часто, они имѣютъ значеніе важнаго общественнаго явленія, а Лаевскіе-праведники, если и встрѣчаются, то лишь въ видѣ единицъ, и, какъ таковыя, не могутъ особенно интересовать насъ. Настоящій, типическій Лаевскій—это Лаевскій до возрожденія, послѣ-же онъ является лишь доказательствомъ, что въ повѣстяхъ у авторовъ своя рука—владыка. Эта метаморфоза понадобилась г. Чехову, очевидно, именно потому, что его, какъ художника-психолога, а не художника-публициста, интересуетъ не общественный смыслъ фигуры Лаевскаго, а его психологическая физіономія и происходящія или могущія произойти въ немъ пертурбаціи. Но намъ можно оставить эти пертурбаціи въ сторонѣ.

Психологически фигура Лаевскаго обрисована чрезвычайно удачно. Здѣсь нѣтъ уже ни двусмысленности Иванова, ни противорѣчивости стараго профессора. Мы можемъ совершенно ясно и точно опредѣлить Лаевскаго (до возрожденія) словами—идейный пустоцвѣтъ. Да и вообще въ этой повѣсти психологическій анализъ г. Чехова достигаетъ прямо толстовской высоты и силы. И всетаки, закрывая книгу, читатель не чувствуетъ полнаго удовлетворенія, и опять въ его мозгу является, обычная для произведеній г. Чехова, формула—«все хорошо, а чего-то нѣтъ». Послѣ нѣкотораго размышленія, однако, это чувство недовольства принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ. Дѣло въ томъ, что и здѣсь также, какъ всегда у г. Чехова, мы видимъ изображеніе одной только психологической стороны явленія, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ, подобно тому, какъ въ «Ивановѣ», этого недостаточно, ибо, кромѣ психологической, у явленія имѣется еще общественная сторона. Этимъ мы хотимъ сказать, что типъ Лаевскаго не есть только психологическій феноменъ, безразличный со всѣхъ другихъ сторонъ, и потому долженствующій быть разсматриваемымъ только съ этой одной стороны, а что онъ, подобно Иванову, является активной общественной величиной и, несмотря на свою безидейность и неимѣніе идеаловъ,

играетъ въ жизни общества извѣстную, вполнѣ ясную и замѣтную роль. Но вотъ этой-то роли, этой-то общественной стороны явленія мы и не находимъ въ повѣсти г. Чехова. А вслѣдствіе этого пробѣла въ изображеніи Лаевскаго получается чисто художественный недостатокъ—отрывочность и незаконченность явленія. Подобно тому, какъ Ивановъ не Косыхъ, Лаевскій не Самойленко и не дьяконъ. Въ изображеніи Самойленки можно было ограничиться изображеніемъ его добродушія и напускной строгости, въ изображеніи дьякона—его смѣшливости и наивности, для того, чтобы эти люди встали передъ нами, какъ живые, но для типа Лаевскаго нужно болѣе вдумчивое и серьезное отношеніе автора къ избранному имъ явленію.

Общественная сторона того или иного типа можетъ быть изображена художникомъ и стать понятной для читателя, очевидно, только тогда, когда этотъ типъ будетъ приведенъ въ соприкосновеніе съ обществомъ, въ жизни котораго онъ играетъ ту или иную роль, иначе говоря, когда на сцену появится само это общество, въ видѣ-ли болѣе или менѣе полной его картины, или-же въ видѣ только двухъ-трехъ личностей, являющихся, однако, типичными его представителями. Очевидно, что только при этомъ условіи мы можемъ уяснить себѣ положеніе даннаго лица въ обществѣ, его отношеніе къ большинству этого общества и его общественную роль.

Нельзя изучать жизнь рыбы внѣ воды, жизнь муравья внѣ муравейника, и также нельзя понять истинный смыслъ и значеніе общественнаго типа, не зная той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Поэтому-то Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» сводитъ Чацкаго съ Фамусовымъ и даетъ намъ, кромѣ того, широкую картину того общества, въ которомъ они играютъ роль премьеровъ. Поэтому-же Тургеневъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» противопоставляетъ Базарову Павла и Николая Кирсановыхъ, и эти двѣ фигуры даютъ намъ полное представленіе о той средѣ, антагонистомъ которой явился Базаровъ, а также о сущности того новаго, что онъ внесъ своей личностью. Если бы Базаровъ былъ изображенъ, въ видѣ отдѣльной фигуры, не имѣющей, такъ сказать, общественнаго фона, этотъ типъ имѣлъ-бы для насъ исключительно психологическій интересъ, и мы вынесли-бы изъ романа чувство неудовлетворенности, ибо, какъ бы то ни было, а смыслъ этого типа, очевидно, не исчерпывается его психологической стороной. Поэтому-же величайшій художникъ-психологъ нашей литературы, Левъ Толстой, не ограничивается при изображеніи Безухаго или Левина, напр., своимъ безподобнымъ психологическимъ анализомъ, а, введя своихъ героевъ въ сутолоку общественной жизни, уясняетъ намъ этимъ ихъ общественное значеніе.

Но г. Чеховъ, сосчитавъ всѣхъ—психологическихъ козявокъ и букашекъ, относящихся къ герою «Дуэли», упустилъ изъ виду именно слона, т. е. общественный смыслъ этой фигуры. Въ этомъ

отношеніи даже его «Ивановъ» удачнѣе «Дуэли». Въ «Ивановѣ» мы не понимаемъ индивидуальнаго смысла личности героя, но его отношеніе къ окружающему обществу для насъ ясно. Картина этого общества, нарисованная во второмъ актѣ пьесы, также какъ и отдѣльные его представители, вродѣ Лебедева и Шабельскаго, разъясняютъ намъ это соотношеніе, и только путаница съ самимъ Ивановымъ портитъ все дѣло. Въ «Дуэли» наоборотъ, по пословицѣ: «носъ вытащилъ, такъ хвостъ увязъ», индивидуальная личность Лаевскаго для насъ совершенно ясна и обрисована мастерскими штрихами, но ясна именно только, какъ единица, какъ Иванъ Андреичъ Лаевскій, а не какъ общественный типъ, и мы должны уже самостоятельно, буде съумѣемъ, объяснить себѣ его положеніе въ обществѣ и его значеніе въ этомъ смыслѣ. Благодаря яркости рисунка и мастерству психологическаго анализа, авторъ далъ намъ довольно благодарный матеріалъ для этой работы, но самъ онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, да указанный смыслъ фигуры Лаевскаго, очевидно, и неясенъ для него самого.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дѣйствующія лица «Дуэли» представляютъ совершенно одиночныя фигуры, связанныя между собою лишь единствомъ мѣста и времени и проистекающими отсюда взаимными отношеніями. Это не общество, въ смыслѣ однородной и имѣющей извѣстную, ей одной свойственную, физіономію, группы людей, а просто случайное сборище, подобное тому, которое образуется во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ—въ вагонѣ, въ театрѣ, на картинной выставкѣ. Выражаясь языкомъ химиковъ, это—не химическое соединеніе, а механическая смѣсь. Недаромъ и самое дѣйствіе «Дуэли» происходитъ въ какомъ-то маленькомъ поселеніи на Кавказѣ, гдѣ, конечно, есть пока только пришлые элементы, и странно было-бы искать общества въ техническомъ значеніи этого слова.

Эта отрывочность и, такъ сказать, эпизодичность дѣйствующихъ лицъ «Дуэли» и ведетъ къ тому, что типъ Лаевскаго остается безъ надлежащаго освѣщенія всѣхъ его сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое разъясненіе общественнаго смысла этого типа могутъ дать фигуры Самойленки, дьякона, Кирилина, Марьи Константиновны и т. д.? Да и чѣмъ связаны между собой всѣ эти фигуры? Любую изъ нихъ можно выбросить и замѣнить другой—вмѣсто Самойленки, напр., ввести графа Шабельскаго изъ «Иванова», вмѣсто дьякона—того университетскаго сторожа изъ «Скучной исторіи», который говоритъ: «гаудеамусъ игитуръ ювенустусъ», а, пожалуй, и ученую тупицу-прозектора оттуда-же—сущность дѣла отъ этого не измѣнится и вся психологія останется на своихъ мѣстахъ. Не такъ писали вдумчивые умѣвшіе охватить предметъ со всѣхъ сторонъ художники-публицисты. Попробуйте, напримѣръ, выбросить князя N изъ «Дневника лишняго человѣка», попробуйте вообще что-нибудь тронуть и переставить въ этой на диво скомпанованной повѣсти. Или вычеркните жену Гамлета Щигровскаго уѣзда изъ его разсказа. О ней го-

Русское богатство 1893 N 1

ворится два съ половиной слова, но и эти слова нужны для обрисовки типа Гамлета, и не со стороны только личныхъ его отношеній къ женѣ. А въ «Дуэли» взаимныя отношенія Лаевскаго и Надежды Ѳедоровны носятъ именно только личный характеръ—психологическія особенности того и другой въ нихъ отражаются, но не ищите въ нихъ и намека на соціальную окраску, хотя мы имѣемъ полное право предполагать ее въ виду соціальнаго значенія типа Лаевскаго, да и Надежды Ѳедоровны (этотъ послѣдній типъ, замѣтимъ въ скобкахъ, также односторонне развитъ и освѣщенъ г. Чеховымъ, какъ и первый).

Типъ Лаевскаго оттѣняется въ повѣсти г. Чехова только фигурой зоолога фонъ-Корена, во многомъ напоминающей лицо доктора Львова изъ «Иванова». Впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что г. Чеховъ хотѣлъ сдѣлать изъ этой фигуры нѣчто большее, а именно изобразить суровый, властолюбивый и непреклонный характеръ à la Napoleon, въ каковыхъ видахъ онъ и подчеркиваетъ прямолинейность и жестокость фонъ-Корена. Но Наполеончикъ не удался г. Чехову, и мы имѣемъ въ лицѣ зоолога все того-же героя отвлеченной морали, котораго мы видѣли въ «Иванове», хотя на этотъ разъ и страдающаго нѣкоторой придуманностью и даже карикатурностью. Но если бы даже это лицо совершенно удалось художнику, оно все-же не могло бы успѣшно выполнить свое назначеніе. Только въ старинныхъ пьесахъ Скотининымъ и Простаковымъ соотвѣтствовали Правдины и Милоны, въ наше-же время подобныя антитезы могутъ скорѣе испортить впечатлѣніе, чѣмъ помочь ему.

И во всякомъ случаѣ общественный смыслъ типа Лаевскаго, какъ уже было указано, могъ быть разъясненъ только изображеніемъ самаго общества, хотя-бы и въ лицѣ немногихъ, но также типичныхъ его представителей. Отдѣльная-же фигура, не имѣющая этого послѣдняго значенія, не можетъ и помочь такому разъясненію, и оттого, обратно пропорціональный Лаевскому, фонъ-Коренъ объясняетъ намъ только все ту-же психологическую индивидуальность Лаевскаго. Впрочемъ, по всей вѣроятности, авторъ только это послѣднее и имѣлъ въ виду.

VII.

«Палата № 6»—новѣйшее и самое счастливое произведеніе г. Чехова по тѣмъ похваламъ, которыя оно доставило своему автору. Однако, эти похвалы нѣсколько двусмысленнаго свойства, и ихъ точнѣе всего можно характеризовать выраженіемъ — «начали за здравіе, а свели за упокой». Такъ одинъ критикъ, признавая г. Чехова большимъ талантомъ и новую его повѣсть «мастерскимъ разсказомъ, производящимъ сильное впечатлѣніе», жалуется, однако, что «впечатлѣнія отъ множества художественныхъ, иногда очень тонкихъ подробностей съ трудомъ комбинируются въ опредѣленныя

Н. Михайловскій, Р. Бог., 1892, кн. N 335.

мысли и чувства», и что «все это сильно бьетъ по нервамъ читателя, но, не слагаясь въ опредѣленныя мысли и чувства, не даетъ и художественнаго удовлетворенія». Смыслъ повѣсти критикъ желаетъ видѣть въ разоблаченіи несостоятельности столь популярной нынѣ философіи равнодушія и «реабилитаціи дѣйствительности». Однако, критикъ и самъ признается, что такое истолкованіе есть не болѣе, какъ его личный взглядъ, а каковъ взглядъ автора и что собственно хотѣлъ онъ сказать своей повѣстью, остается невыясненнымъ. Другой критикъ видитъ идею повѣсти въ желаніи показать, что «десятки и сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что наше невѣжество не способно отличить ихъ отъ здоровыхъ». Но и онъ, подобно первому критику, спрашивающему: «кто же, наконецъ, здѣсь сумасшедшій?» признается, что въ повѣсти г. Чехова собственно нельзя отличить здоровыхъ отъ сумасшедшихъ. Тотъ же критикъ упоминаетъ о слышанномъ имъ, нѣсколько своеобразномъ, истолкованіи повѣсти г. Чехова въ томъ смыслѣ, что авторъ хотѣлъ показать, какъ легко у насъ и здороваго человѣка упрятать въ домъ сумасшедшихъ. Это истолкованіе, очевидно, ужъ прямо признаетъ сумасшедшихъ г. Чехова за здоровыхъ.

Всѣ эти разногласія относительно новой повѣсти г. Чехова невольно приводятъ на память подобные же разнорѣчивые толки объ его «Ивановѣ». Очевидно, что здѣсь, какъ и тамъ, смыслъ произведенія страдаетъ неясностью и не поддается опредѣленному истолкованію. Въ самомъ дѣлѣ, повѣсть г. Чехова страдаетъ прежде всего чисто внѣшними недостатками — обиліемъ лишнихъ фигуръ и эпизодовъ и какою-то разбросанностью изложенія, заставившую перваго изъ упомянутыхъ нами критиковъ замѣтить, что «мысль читателя разбѣгается по разнымъ подчеркиваемымъ авторомъ пунктамъ, съ усиліемъ ища центра разсказа». Однако, послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, такой центръ можетъ быть найденъ. Онъ заключается, очевидно, въ противоположности двухъ фигуръ: псевдо-сумасшедшаго Ивана Дмитрича и, сперва псевдо-здороваго, а потомъ также псевдо-сумасшедшаго доктора Андрея Ефимыча. Точнѣе—этотъ центръ лежитъ въ сопоставленіи двухъ противоположныхъ психологическихъ типовъ—альтруиста и равнодушнаго.

Псевдо-сумасшедшій Иванъ Дмитричъ, еще будучи, или вѣрнѣе, считаясь здоровымъ, отличался, что называется, безпокойнымъ характеромъ и постоянно негодовалъ и обличалъ: — «о чемъ, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, безсмысленную жизнь, разнообразя ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемѣріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами; нужны школы, мѣстная газета съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичныя чтенія, сплоченность интеллигентныхъ силъ; нужно, чтобы общество сознало себя и ужаснулось...» и т. д. Какъ видите, это въ сущности то самое — «святое

недовольство», которое одушевляло Бѣлинскаго и другихъ подвижниковъ земли русской. Ивана Дмитрича оно доводитъ до маніи преслѣдованія и палаты № 6. Фактъ возможный, конечно,—«чтобъ одного возвеличить, борьба тысячи слабыхъ уноситъ», но и въ сумасшедшемъ домѣ Иванъ Дмитричъ въ сущности очень мало мѣняется—его манія преслѣдованія остается почти необрисованной, а самъ онъ продолжаетъ говорить такія рѣчи, что самому мудрому и разумному въ пору.—«Ученіе, проповѣдующее равнодушіе къ богатству, къ удобствамъ жизни, къ страданіямъ и смерти — возражаетъ онъ горячо на «примирительныя» рѣчи доктора — совсѣмъ непонятно для громаднаго большинства, такъ какъ это большинство никогда не знало ни богатства, ни удобствъ въ жизни, а презирать страданія значило бы для него презирать самую жизнь, такъ какъ все существо человѣка состоитъ изъ ощущеній голода, холода, обидъ, потерь и гамлетовскаго страха передъ смертью. Въ этихъ ощущеніяхъ вся жизнь; ею можно тяготиться, ненавидѣть ее, но не презирать».—«Суета-суетъ—протестуетъ онъ далѣе—внѣшнее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо,—все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебока».—«Нѣтъ сударь,—кончаетъ онъ свои филиппики,—это не философія, не мышленіе, не широта взгляда, а лѣнь, факирство, сонная одурь... Да! страданія презираете, а небось прищеми вамъ дверью палецъ, такъ заорете во все горло!»

Какъ видите, Иванъ Дмитричъ сумасшедшій совсѣмъ особеннаго фасона. По крайней мѣрѣ мы не удивились бы, услыхавъ его пламенныя тирады изъ устъ любого «великомученика правды». Но и обратно пропорціональный ему, какъ фонъ-Коренъ Лаевскому, докторъ Андрей Ефимычъ—субъектъ тоже незаурядный. Онъ исповѣдуетъ воззрѣнія, совершенно противоположныя идеямъ Ивана Дмитрича, и всѣ рѣзкости послѣдняго раздаются въ повѣсти по адресу перваго. Принципъ «laisser faire — laisser passer» распространенъ Андреемъ Ефимычемъ на всѣ житейскія отношенія, на всю ширину дѣйствительной жизни. Онъ признаетъ активную дѣятельность только въ области умственной работы — умъ для него есть не только самое интересное, но и единственное заслуживающее вниманія явленіе на этомъ бѣломъ свѣтѣ. До умственныхъ занятій онъ большой охотникъ и все свое время посвящаетъ чтенію и умнымъ разговорамъ со своимъ пріятелемъ, почтмейстеромъ. — «Свободное и глубокое мышленіе,—которое стремится къ уразумѣнію жизни, — говоритъ онъ Ивану Дмитричу,—и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра, вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ». И соотвѣтственно этому тезису, докторъ не желаетъ знать ничего, кромѣ своихъ книгъ и разговоровъ, и даже полагаетъ, что въ этомъ принципіальномъ ничего недѣланіи и заключается истинная мудрость. Вначалѣ, только что пріѣхавъ на свое мѣсто, онъ пытался было привести въ нѣкоторый порядокъ свою больницу, находившуюся въ

самомъ ужасномъ положеніи, но скоро убѣдился, что при отсутствіи средствъ и невѣжествѣ жителей маленькаго городка, отстоящаго за 200 верстъ отъ желѣзной дороги и связанной съ нею цивилизаціи, рѣшительнаго улучшенія сдѣлать нельзя, и оттого совсѣмъ забросилъ ее. Также сперва онъ началъ было заниматься практикой, но скоро замѣтилъ, что и это безполезно. «Сегодня примешь 30 больныхъ, а завтра, глядишь, привалило ихъ 35, послѣзавтра 40 и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, а смертность въ городѣ не уменьшается, и больные не перестаютъ ходить. Оказать серьезную помощь 40 приходящимъ больнымъ отъ утра до обѣда нѣтъ физической возможности, значитъ, поневолѣ выходитъ одинъ обманъ. Принято въ отчетномъ года 12000 приходящихъ больныхъ, значитъ, попросту разсуждая, обмануто 12000 человѣкъ». И докторъ предпочелъ сложить руки, не желая быть обманщикомъ. Этому его практическому выводу помогли и теоретическія выкладки его свободнаго и глубокаго мышленія. «Къ чему мѣшать людямъ умирать,—разсуждалъ онъ,—если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и, во-вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совсѣмъ заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье...»

Какъ видите, здоровый Андрей Ефимычъ разсуждаетъ такъ, что многіе назовутъ его сумасшедшимъ. И неудивительно, что, когда онъ, случайно зайдя въ палату № 6, разговорился съ Иваномъ Дмитричемъ, послѣдній былъ возмущенъ этой философіей квіэтизма и нравственной смерти и обрушился на нее со всей силою своего экспансивнаго негодованія. Но доктора заинтересовало это противоположное ему міросозерцаніе, какъ оригинальное проявленіе человѣческаго ума, и онъ сталъ чаще и чаще ходить въ палату № 6 и бесѣдовать съ Иваномъ Дмитричемъ. Эти то посѣщенія и погубили его. Его поведеніе естественно показалось не нормальнымъ другому доктору, его помощнику, фельдшеру и вообще обитателямъ города, одинаково далекимъ, какъ отъ стремленій Ивана Дмитрича, такъ и отъ взглядовъ Андрея Ефимыча и склонныхъ одинаково считать тѣ и другія за сумасшествіе. И вотъ за Андреемъ Ефимычемъ начали слѣдить и въ концѣ концовъ онъ самъ попалъ въ палату № 6.

И вотъ здѣсь впервые философія Андрея Ефимыча дрогнула и пошатнулась отъ прикосновенія къ ужасной дѣйствительности. Вначалѣ онъ еще старался пріободриться и увѣрялъ себя, что «все равно, что фракъ, что мундиръ, что этотъ халатъ... что между до-

момъ мѣщанки Бѣловой и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы и что все на этомъ свѣтѣ вздоръ и суета-суетъ, но успокоительная философія уже не вытанцовывалась, и отчаяніе начало одолѣвать его. А когда онъ захотѣлъ выйти изъ палаты и наткнулся на сопротивленіе грубаго сторожа Никиты, привыкшаго расправляться съ больными кулаками, и когда тотъ нанесъ ему страшный ударъ кулакомъ по лицу, тогда Андрей Ефимычъ внезапно прозрѣлъ.

«Отъ боли онъ укусилъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его среди хаоса ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня въ день, эти люди, казавшіеся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. Какъ могло случиться, что впродолженіи больше, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не имѣлъ понятія о боли, значитъ онъ не виноватъ, но совѣсть, такая же несговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ».

Андрей Ефимычъ не выдержалъ своего прозрѣнія, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, и онъ умеръ. Крушеніе философіи квіэтизма, очевидно, точно есть выводъ, вытекающій изъ всей повѣсти г. Чехова, и выводъ этотъ безспорно имѣетъ общественное значеніе. Однако это обстоятельство нисколько не колеблетъ нашего общаго заключенія о писательскихъ свойствахъ г. Чехова. Какъ въ «Дуэли», несомнѣнно имѣющій общественное значеніе, типъ Лаевскаго интересовалъ автора повѣсти лишь какъ психологическая индивидуальность, а до соціальнаго его смысла предоставлялось читателямъ добираться самимъ; такъ и въ палатѣ № 6 вышеупомянутый выводъ далеко не вытекаетъ изъ самой повѣсти съ такой послѣдовательностью и ясностью, какъ изъ нашего изложенія.

Начать съ того, что въ повѣсти много лишняго—неизвѣстно зачѣмъ вставлено лицо почтмейстера, пріятеля Андрея Ефимыча, нисколько не помогающее уясненію смысла повѣсти, а напротивъ затемняющее его. Затѣмъ самъ Андрей Ефимычъ зачѣмъ то совершаетъ поѣздку въ Москву, Петербургъ и Варшаву. И, наконецъ, что важнѣе всего, по прочтеніи повѣсти, невольно является вопросъ: «почему дѣйствіе происходитъ въ сумасшедшемъ домѣ? и вообще причемъ тутъ сумасшествіе и сумасшедшіе?» Правда, благодаря такому расположенію повѣсти, г. Чехову явилась возможность дать намъ яркую, просто потрясающую картину порядковъ захолустнаго сумасшедшаго дома и нарисовать съ обычнымъ мастерствомъ нѣсколько типовъ сумасшедшихъ, но вѣдь мало ли что могъ бы нарисовать намъ прекраснаго и даже поучительнаго г. Чеховъ? ~~Въ~~ художественномъ произведеніи всякая подробность должна имѣть свой raison d'être и все произведеніе должно быть расположено по извѣстному стройному плану, для того, чтобы и у читателя получилось стройное и ясное впечатлѣніе. Теперь же палата № 6 собирается съ толку и открываетъ наше вниманіе

отъ упомянутыхъ выше психологическихъ контрастовъ. Правда, можетъ быть, авторъ хотѣлъ, при помощи своего пріема, нагляднѣе показать реальный вредъ, приносимый философіей Андрея Ефимыча, но для достиженія такой цѣли достаточно было и одной больницы и не было надобности въ прибавленіи къ ней сумасшедшей палаты и особенно въ перенесеніи мѣста дѣйствія въ эту послѣднюю. Если же допустить, что такимъ перенесеніемъ г. Чеховъ хотѣлъ лучше оттѣнить моментъ столкновенія благодушной философіи Андрея Ефимыча съ суровой дѣйствительностью и прозрѣнія злополучнаго философа, то выгода, получающаяся на этомъ частномъ пунктѣ, съ избыткомъ покрывается той путаницей и тѣмъ раздробленіемъ вниманія, которыя внесъ въ повѣсть г. Чехова «сумасшедшій элементъ». Читатель невольно недоумѣваетъ и спрашиваетъ: «кто же, наконецъ, здѣсь сумасшедшій?» а, не получая на этотъ вопросъ отвѣта, справедливо начинаетъ жаловаться, что «все это сильно бьетъ по нервамъ, но, не слагаясь въ опредѣленныя мысли и чувства, не даетъ и художественнаго удовлетворенія», и что большой талантъ г. Чехова разбрасывается по разнымъ направленіямъ, не создавая ничего цѣльнаго. Эти жалобы, какъ мы видѣли, не составляютъ спеціальной принадлежности послѣдней повѣсти г. Чехова и могутъ быть съ одинаковымъ правомъ примѣнены ко всѣмъ произведеніямъ этого писателя. Вездѣ то же непониманіе авторомъ общественнаго смысла рисуемыхъ имъ картинъ и направленіе его вниманія исключительно въ сторону психическаго и художественнаго ихъ интереса; вездѣ та же случайность и отрывочность темъ и тотъ же выборъ ихъ подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія: попался на глаза сумасшедшій домъ—онъ немедленно срисовывается, пришли въ голову интересныя по своему контрасту психологическіе типы — они изображаются, встрѣтилась фигура стараго бонвивана-почтмейстера—она заносится на бумагу, потомъ все это складывается въ одну повѣсть и въ такомъ сыромъ видѣ преподносится читателямъ, которые могутъ переваривать эту беллетристическую окрошку, какъ имъ угодно.

VIII.

Итакъ, яркій рисунокъ, свѣжія и живыя картины природы, тонкій психологическій анализъ, повременамъ мѣткія или остроумныя наблюденія публицистическаго характера, наконецъ, юморъ,—таковъ литературный плюсъ г. Чехова; случайность въ выборѣ темъ, непродуманность содержанія, непониманіе общественной его стороны, и происходящія отсюда неясность и отрывочность произведенія—таковъ минусъ этого писателя.

Наша оцѣнка сдѣлана исключительно съ эстетической точки зрѣнія и напрасно стали бы укорять насъ, что мы требуемъ отъ художника любезныхъ нашему сердцу тенденцій. Не менѣе, чѣмъ

кто либо, умѣемъ мы уважать свободу творчества, но въ томъ то и дѣло, что не какія либо партійныя, «тенденціозныя» побужденія заставляютъ насъ требовать отъ писателя пониманія изображаемыхъ имъ явленій, законченности и ясности его произведеній и искать въ ихъ совокупности общаго впечатлѣнія, — насъ приводятъ къ этому чисто художественныя требованія, которыя не находятъ себѣ полнаго удовлетворенія въ произведеніяхъ г. Чехова. Не проведенія тѣхъ или иныхъ воззрѣній требуемъ мы отъ г. Чехова, не какой либо опредѣленной окраски въ смыслѣ гражданскихъ убѣжденій — это личное г. Чехова дѣло. Отъ писателя г. Чехова мы требуемъ только болѣе глубокой и серьезной мысли, потому что недостатокъ ея прямо отражается на томъ впечатлѣніи, которое оставляютъ его произведенія, и потому что вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя же изображать одинаково быковъ и самоубійцъ, Лаевскаго и дьякона. Пусть г. Чеховъ остается объективнымъ художникомъ, но пусть онъ будетъ м ы с л я щ и м ъ художникомъ. Вотъ наши pia desideria.

Хорошимъ доказательствомъ отсутствія въ нашемъ взглядѣ на г. Чехова какихъ либо партійныхъ предубѣжденій служитъ то, что жалобы, подобныя нашимъ, высказывались положительно всѣми критиками г. Чехова, и въ томъ числѣ, едва ли не самымъ благосклоннымъ изъ нихъ, критикомъ «Недѣли». Онъ также находитъ, что г. Чеховъ и въ позднѣйшихъ и самыхъ крупныхъ своихъ разсказахъ «всетаки не достигаетъ полной стройности, той стройности, которая по окончаніи чтенія заставляетъ чувствовать, что авторъ договорилъ до конца. Этой удовлетворенности разсказы не даютъ. Окончивъ чтеніе, не откладываешь книгу въ сторону, чувствуя что она вошла въ душу, улеглась тамъ и будетъ ее долго питать, — нѣтъ, книга остается какою-то своей частицей внѣ души: ее начинаешь перелистывать снова, но не для того, чтобы освѣжить уже усвоенныя впечатлѣнія, а для того, чтобы еще разъ попытаться ввести ее въ душу. Чего-то, значитъ, произведенію еще не хватаетъ, чего-то молодой авторъ еще не успѣлъ написать». Критикъ выражалъ далѣе надежду, что устраненіе этого недостатка есть лишь вопросъ времени (статья его была написана послѣ «Скучной исторіи»). Наше мнѣніе на этотъ счетъ уже извѣстно читателю.

Что же касается до вопроса о томъ, чѣмъ объясняется, что писательская физіономія г. Чехова сложилась такъ, а не иначе, и чѣмъ вызвано появленіе такого художника, мы, по нашему крайнему разумѣнію, не можемъ отвѣтить ничего другого, кромѣ какъ: «твоя, Господи, воля» Въ нашей критикѣ не разъ было высказано мнѣніе, что въ индивидуальныхъ свойствахъ таланта г. Чехова виноваты вѣянія времени и что этотъ писатель представляетъ собою «жертву безвременья». Намъ этотъ взглядъ не кажется правильнымъ — г. Чеховъ, по нашему мнѣнію, есть не болѣе, какъ «игра природы», и въ его индивидуальныхъ особенностяхъ не причемъ наше, дѣйствительно, невеселое время. Если и предположить, что наше

сѣрое, задернутое облаками небо нежданно-негаданно прояснѣетъ и пошлетъ намъ солнечный лучъ, то трудно представить, чтобы этотъ лучъ вдохнулъ душу живу въ творчество г. Чехова. Слишкомъ ужъ опредѣленно и прочно сложилась его литературная манера. Намъ скажутъ, что въ процессѣ образованія этой манеры время то и играло главную роль. Но мы снова усомнимся въ такомъ рѣшающемъ значеніи времени для образованія литературнаго темперамента г. Чехова.

Собственно г. Чехова напрасно было бы подозрѣвать въ принадлежности къ какому бы то ни было литературному лагерю и въ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ общественныхъ симпатіяхъ. Уже одновременное участіе его въ «Новомъ Времени» и «Русской Мысли», «Русскомъ Обозрѣніи» и «Недѣлѣ» говоритъ за безразличность его, какъ «гражданина страны родной». Правда, иные думали видѣть въ нѣкоторыхъ полуироническихъ характеристикахъ г. Чехова, такъ называемыхъ, «шестидесятниковъ» намекъ на болѣе опредѣленныя симпатіи его въ извѣстномъ смыслѣ. Но едва ли эти соображенія основательны. Иронія г. Чехова чаще всего существуетъ только для ироніи. Въ примѣръ этой неопредѣленной ироніи можно привести послѣдній разсказъ г. Чехова—вышеразобранную «Палату № 6», гдѣ ироническія нотки автора одинаково проскальзываютъ и по адресу пылкаго Ивана Дмитрича, и по адресу холоднаго Андрея Ефимыча. Очень возможно, что г. Чеховъ питалъ нѣкоторое раздраженіе противъ представителей традицій 60-хъ годовъ, которые съ точки зрѣнія этихъ традицій отнеслись къ дѣятельности г. Чехова, быть можетъ, слишкомъ сурово, и это раздраженіе сказалось въ вышеупомянутыхъ характеристикахъ. Но, если это наше предположеніе и справедливо, то отъ личнаго неудовольствія далеко до сознательной враждебности. Всего болѣе, какъ намъ кажется, способствовали этому партійному подкрашиванію, если можно такъ выразиться, тѣ критики, которые думали видѣть въ произведеніяхъ г. Чехова начало какой-то новой эры, какой-то выходъ изъ пустыни, и въ этомъ смыслѣ укоризненно противопоставляли его другимъ нашимъ молодымъ беллетристамъ. Но вѣдь вольно же было этимъ критикамъ возводить г. Чехова въ «перлъ созданія» и видѣть въ его произведеніяхъ какое-то тенденціозное освобожденіе отъ «направленскихъ» узъ.

Что касается до насъ, то мы не только не считаемъ г. Чехова проявляющимъ какія либо тенденціозныя стремленія, но и прямо не признаемъ его «подающимъ надежды» въ этомъ отношеніи. Изо всего сказаннаго нами о г. Чеховѣ съ достаточной ясностью вытекаетъ, что, по нашему мнѣнію, этому писателю слѣдуетъ ограничиться преимущественно сферой индивидуальной психологіи, причемъ всѣ остальныя достоинства г. Чехова также найдутъ себѣ примѣненіе и помогутъ ему придать своимъ произведеніямъ бо́льшую цѣну. Общественная же жизнь останется, по всей вѣроятности, навсегда terra incognita для г. Чехова, и мы сами сильно сомнѣваемся въ возмож-

ности осуществленія нашихъ pia desideria. Поэтому г. Чеховъ поступитъ, можетъ быть, благоразумно, отказавшись разъ навсегда отъ рискованныхъ и неудачныхъ поѣздокъ въ этотъ заказанный для него край. Во всякомъ случаѣ, требовать отъ него этихъ экскурсій во что бы то ни стало—значитъ не понимать, что всякій даетъ лишь то, что можетъ.

Но, не взирая на этотъ голосъ «ума холодныхъ наблюденій», трудно заглушить въ себѣ другой голосъ «сердца горестныхъ замѣтъ», а этотъ послѣдній невольно жалуется на обиду. Дѣйствительно, обидно видѣть большой талантъ, который не въ состояніи дать ничего крупнаго, цѣльнаго и продуманнаго—человѣка, которому много дано и который даетъ слишкомъ мало. Г. Чеховъ производитъ на насъ впечатлѣніе пѣвца съ огромнымъ голосомъ, который «дурно поставленъ»,—пѣвца, у котораго «нѣтъ школы». Рядомъ съ г. Чеховымъ поютъ артисты съ гораздо меньшимъ «діапазономъ», но ихъ голосовыя средства разработаны превосходно и ихъ голосъ для многихъ покрываетъ голосъ г. Чехова. Г. Чеховъ, какъ въ древности Ганнибалъ, умѣетъ побѣдить насъ, но не умѣетъ удержать насъ въ своей власти, не умѣетъ извлечь изъ своей побѣды серьезныхъ результатовъ. Vincere scis, Hannibal, victoria uti nescis!

П. Перцовъ.